

СПАСТИ ЧАЭС

Книга 6

ПРИПЯТЬ

1979

ДАМИРОВ И ГАУСС

Спасти ЧАЭС

Максим Гаусс

Спасти ЧАЭС: 1986. Книга 6

«Автор»

«Автор»

2023

Гаусс М.

Спасти ЧАЭС: 1986. Книга 6 / М. Гаусс — «Автор», «Автор»,
2023 — (Спасти ЧАЭС)

Казалось бы, ликвидация куратора должна была привести к тому, что аварии на ЧАЭС не будет. Но неожиданно выясняются новые обстоятельства, которые требуют особых мер. Нашим героям, Алексею Савельеву и Андрею Петрову придется переосмыслить не только то, что они уже сделали, но и то, что им еще предстоит...

© Гаусс М., 2023

© Автор, 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава 1. Соприкосновение	5
Глава 2. Жесткие методы	11
Глава 3. Новая информация	17
Глава 4. Чем дальше в лес...	24
Глава 5. Теоретически подтверждено	30
Глава 6. Неожиданный вердикт	35
Глава 7. Нет пути назад	42
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Максим Гаусс, Рафаэль Дамиров

Назад в СССР: 1985. Книга 6

Глава 1. Соприкосновение

Их было двое.

Тот, что покрупнее, старательно сдирал с себя накладную бороду, но получалось у него это плохо. Другой, уже избавившись от накладного носа, смотрел на меня, как паук на муху, попавшую в паутину. В его глазах читался живой интерес и, пожалуй, сдерживаемое раздражение. В руках он держал пистолет неизвестной мне модели.

Ни тот ни другой по ориентировке на Клыка похожи не были.

– Вот смотрю я на тебя, сержант, и думаю, откуда ты такой умный взялся? – произнес человек с пистолетом. Голос у него был холодный, хриловатый. Чувствовалось, что передо мной иностранец, хотя говорил он внятно, со слабым акцентом.

Ничего отвечать я не стал.

Спешно анализировал ситуацию, мысленно ругал себя, что попался в примитивную ловушку, которую устроили как раз для меня. Эта делегация, экскурсия по помещениям, затем газировка... Они бросились бежать в точно выверенный момент, когда сотрудники КГБ, руководство станции и остальные гости уже удалились на достаточное расстояние. И место было выбрано неслучайно – там стоял гул, который не давал мне возможности привлечь внимание остальных. Озеров выбыл из строя по причине отравленной газированной воды, разлитой по бутылкам. Они как будто бы знали, что я начеку и ничего пить не буду. Но для кого ее готовили? Откуда такой тонкий расчет?

Тот, что был с бородой, подошел ко мне. Ударил под колено, отчего я, скрипя зубами от боли, опустился на колени. Было не только больно, но и обидно. Дуло пистолета смотрело точно мне в грудь, поэтому сопротивляться было бессмысленно.

– Кто из вас Клык? – глухо спросил я, когда здоровяк оставил меня в покое.

Они переглянулись. Тот, что отдирает бороду, что-то переспросил у напарника по-английски. Первый едва слышно ответил.

Оба усмехнулись.

– Здесь нет никакого Клыка.

Ну да, как же... Теперь уже усмехнулся я.

– Так кто же ты такой, Савельев? – он повторил свой вопрос, поигрывая пистолетом. Это что, такой психологический ход?

– Сержант советской армии! – дерзко процедил я. Пока ничего дельного, что можно было предпринять в сложившейся обстановке, в голову не приходило.

– Ну да, сержант, – кивнул тот. – Ты как кость в горле! Откуда тебе известно, что мы запланировали устроить аварию?

Что ответить на столь провокационный вопрос? Откуда я это знаю? Боюсь, ответ ему не понравится – даже начинать не буду. Но, видимо, он и не ждал ответа. Вместо этого он продолжил:

– Сначала странная ситуация на «Овруче». Ты каким-то образом вычислил нашего шпиона. Сдал его комитету. Мы посчитали это простой случайностью и не придали значения. Потом вся эта чушь с созданием новой охраны станции. Признаюсь, было сложно, но все-таки мы приняли меры, и все прошло удачно. Сама идея передать охрану АЭС из внутренних войск новому подразделению, была успешно развалена. Люди в вашем комитете безопасности слишком прямолинейны, слишком слепы, чтобы разглядеть истинный ход вещей, что проис-

ходил у них под носом. Они заикнулись на безопасности загоризонтной радиолокационной станции, но совсем не смотрели в сторону атомной станции. А ты каким-то образом понял. Сказал об этом полковнику из КГБ. Тот принял меры, поэтому нам пришлось его убирать и заново расчищать себе путь. Мы считали, что ты простой солдат, однако поздно поняли, что от тебя исходит реальная угроза, сержант. Там, в Чернобыле, в подвале жилого дома тебе удалось скрыться. Но не сейчас. Тебе некому помочь!

Смотри-ка, да они действительно многое обо мне знают и давно уже наблюдают за моими успехами. Уверен, что будь разговор в другой обстановке, он был бы куда интереснее.

Я невольно усмехнулся, и почему-то мое поведение показалось ему забавным.

– Разве я сказал что-то смешное? – сухо спросил тот.

– Конечно, – кивнул я. – Как бы вы ни пытались уничтожить станцию, ни хрена у вас не выйдет! Вы наивно полагаете, что можете творить все, что захотите? А вот хрен вам по всей тарелке!

– Что это за странное выражение? – не понял диверсант. – А впрочем, без разницы! Сначала я не хотел тебя убивать, думал, что ты простой удачливый мальчишка, который постоянно путается под ногами. Но сейчас даже мое мнение поменялось... А ведь я по своей натуре, очень лояльный человек!

– И поэтому решил ни много ни мало – взорвать ядерный реактор?

Мое резкое заявление заставило его сбавить пыл. А то раздухарился тут, рассказывая о себе сказки.

Одновременно я спешно соображал, как поступить в этой непростой обстановке. Все поворачивалось ко мне так, что я оказывался в крайне невыгодной позиции. Так и пулю в лоб получить недолго.

– Я знаю, что вы задумали! – торопливо заявил я, приняв решение. – Вы хотите устроить аварию на третьем энергоблоке, да? Я знаю когда... В следующем месяце! Все потому, что «Русский Дятел» собираются ставить на боевое дежурство. Так?

– Аварию? – нахмурился противник. – Нет. Вовсе не аварию. Всего лишь нештатную ситуацию, с некоторыми негативными последствиями. Советские инженеры все уже сделали сами, своими руками, а мы лишь выдержим условия для того, чтобы дефекты реактора проявили себя в нужный момент.

– Но он же взорвется!

– Именно это мы и намерены сделать.

– Как? – я намеренно задавал глупые вопросы, искажал информацию, чтобы потянуть время. Возможно, удастся вытащить из него что-то интересное.

Обратил внимание на второго. Судя по всему, тот был чистым иностранцем и по-русски не понимал вообще. Он то и дело прислушивался, нарезал круги по помещению... Быть может, он что-то вроде телохранителя? Тогда кто передо мной? Куратор? Тот самый куратор, что давал указания Клыкку? Тот, от кого исходит инициатива, касающаяся всего происходящего на АЭС...

– Очень просто. Я изучал советские реакторы, более того, я сам когда-то косвенно участвовал в их разработке. Удивлен?

– Кто ты такой? – выждав паузу, спросил я.

– Я? – удивился собеседник. – Простой человек. Человек, которому поставили задачу, и я должен ее выполнить в любом случае. Впрочем, тебя не должно волновать, как именно это будет сделано. Ты не сможешь нам помешать, задача будет выполнена. Уж поверь, сержант!

– Вы планируете развалить Советский Союз? – снова спросил я.

Но он мне не ответил, только поганно усмехнулся. Мои слова снова его развеселили.

– А вы вообще подумали, какие будут последствия, если спровоцируете аварию? – я намеревался потянуть немного времени. – Подумали о том, что все вокруг будет загрязнено радиа-

цией? О том, сколько людей пострадает, сколько погибнет? Какие силы будут брошены страной для того, чтобы устранить последствия? О том, что жить на отравленной земле будет нельзя?

– Радиация? Ты удивишься, но в СССР до сих пор плохо понимают, что такое радиация и как с ней бороться. А ведь прецедентов хватало, и не все они произошли случайно. Хм... Сколько людей пострадает? Меня это совершенно не волнует! Чем больше, тем лучше. Я не пойму, ты вроде молодой совсем, но говоришь как человек с большим опытом... Меня это сбивает с толку. Кто ты такой, товарищ Савельев?

– Простой человек, любящий свою страну! – с ненавистью процедил я. Конечно, я не был таким уж ярким патриотом, но вот сейчас меня распирало от злости.

– Любящий? Не смейся меня. Да половина вашего руководства готова продать за пачку зеленых... А-р-р... – он посмотрел на часы. – Об этом можно говорить часами, а у меня на такую ерунду времени нет. Ни у меня, ни у тех, от кого я получаю приказы. Нас не волнует, что будет после аварии. Главное – это пошатнуть СССР, а дальше он сам развалится. Методов и рычагов для этого много. И этот ваш «Русский Дятел» работать не будет. Зря вы возлагаете на него такие надежды!

Как же мне хотелось встать и дать ему в самодовольную морду, так, чтобы зубы высыпались. Ведь так все и будет... Страну советов развалят изнутри!

Вот только я по-прежнему стоял на коленях, под дулом его пистолета.

– Товарищ Савельев! – продолжил противник. – Я вынужден был сам убедиться в том, что вы представляете угрозу для нас. Это действительно так. Я не знаю почему, но вы куда более проникательны, чем половина комитета, которые за целый год не увидели на этой станции никаких подозрительных моментов... Чтобы вы не сорвали идею, я вынужден вас ликвидировать. Прямо сейчас.

Более обстоятельного разговора не получилось. Да и каким он мог быть, при разговоре с чудовищем? Он не назвал своего имени, да это и неважно.

Рука с зажатым в ней пистолетом поднялась вверх, замерла на уровне моей головы. Расстояние небольшое, метра два с половиной. Промануться здесь невозможно!

Но чего бы я сейчас ни предпринял, я просто не успел бы...

Раздался выстрел. От неожиданности я даже вздрогнул и зажмурился.

Удивительно, но боли я не почувствовал. Зато отчетливо услышал сдавленный крик, услышал, как на пол упало что-то тяжелое, металлическое.

Тут же открыл глаза и увидел перед собой сгорбившегося куратора, который держался за окровавленную руку. На пол капала кровь. Пистолет с развороченной рукоятью лежал на бетонном полу, прямо передо мной.

– Добрый вечер! – раздался знакомый голос откуда-то справа. – Так дело не пойдет!

Оглянулся – это был капитан Петров. Он стоял в дверях, вид у него был растрепанный. Явно торопился, пока искал нас. Молодец Андрюха, догадался, что раз часть делегации, в том числе и я, не дошли до четвертого энергоблока, значит, по пути что-то произошло. Как он нас нашел, это уже отдельная история – ведь ранее Курсант сам говорил, что практически не ориентируется во всем этом бетонном лабиринте. В любом случае, я был благодарен ему, что он появился вовремя.

Обернувшись на голос, продолжая баюкать простреленную кисть, куратор отшатнулся назад. Появления третьей стороны он явно не ожидал.

– Стоять! Милиция! – рявкнул Андрей, не спуская глаз с «клиента».

Второй, подтверждая, что исполнял роль телохранителя, частично прикрывал куратора своим телом. Скорее всего, у него тоже было оружие, вот только воспользоваться им он попросту не успел бы.

Я рывком поднялся на ноги, шагнул к ним. Но не успел я сделать и пяти шагов, как дверь, через которую я вошел ранее, вдруг со скрипом приоткрылась и в помещении ворвался... Инженер КИП, товарищ Донченко!

Я сразу узнал его по фотографии. То же лицо, на теле стандартная белая одежда сотрудника Чернобыльской АЭС. Явился он сюда явно не просто так...

Взгляд у инженера был безумный. Пока я и Петров отвлеклись на вновь вошедшего, куратор молниеносно среагировал.

– Останови их! – крикнул он на английском языке своему телохранителю.

Здоровяк, что ранее сдирал с себя накладную бороду, немедленно отреагировал.

Он рывком выхватил пистолет из кармана и навел его на Петрова. Одновременно сам куратор разогнался и, устремившись к окну, выбил его наружу, перевалившись через проем. Внутри помещения ворвалась метель, хлопья снега.

Бах! Бах!

Андрюха стрелял на опережение, иного выбора у него не было.

Увидев, что «телохранитель» падает на пол, Донченко внезапно заорал, бросился к выключателю и погасил свет. Все тут же окутал полумрак.

Порыв ветра окатил меня ледяным воздухом.

Бах! – кажется, теперь уже стреляли в Андрея. Звук выстрела был не таким, как у стандартного «Макарова».

Что происходило дальше, я не видел. Устремился за куратором, но мне под ноги бросился инженер. Ухватившись за форму руками, он попытался повалить меня на пол, но сил не хватило. Двинув ему кулаком в нос, я с силой отпихнул его ногой и бросился в оконный проем. Инженер всхлипнул, мешком расстелился на полу.

Позади снова раздалась стрельба, но я не стал акцентироваться на ней.

Перевалившись, я угодил в небольшой сугроб наметенного снега. Холод сразу же отрезвил меня, снизил состояние шока. Оказалось, что сразу за окном была занесенная снегом крыша пристроенного помещения ГЦН.

Вскочил, торопливо осмотрелся – никого.

Ветер бил в лицо, снег залеплял глаза.

Кое-как проморгавшись, я заметил следы, ведущие куда-то в сторону. Последовал в том же направлении. По пути разглядел несколько капель крови на снегу – как будто куратор стряхивал кровь, причем прямо на ходу.

Вот сука!

Такие люди наверняка обладают специальной подготовкой. От них можно ждать чего угодно. Знать бы, куда он рвется и что намерен предпринять...

Миновал угол. Стена была покрыта мелкой облицовочной плиткой белого цвета. Весь корпус третьего и четвертого блоков был покрыт именно такой плиткой. Да и вообще, вся Припять была оформлена примерно в том же стиле.

Следы на снегу вели к краю крыши. Подошел, осмотрелся по сторонам.

Снова кровь. Хорошо же Курсант стреляет. В быстро меняющейся обстановке, в не самом хорошем освещении умудрился попасть точно в ладонь сжимающего пистолет куратора.

Противник теряет кровь, значит, скоро начнет слабеть. Да и на холоде долго не побегаешь, хоть температура была около минус пяти, но все же... Нужно взять эту гниду любой ценой, ведь если вырвется, быть беде. Тогда авария может произойти где угодно и когда угодно – уж эта тварь постарается все перевернуть с ног на голову. Тогда преимущество и мои знания о будущем относительно случившейся аварии будут бесполезны. Такого врага опасно оставлять в живых – он уже не остановится.

Я замер у самого края – там было небольшой ограждение, высотой примерно по пояс. Внизу пропасть – высота метров сорок, не меньше. Выше того места, где я стоял, была только крыша энергоблока и сама вентиляционная труба ВТ-2.

Невольно ужаснулся. Я был совсем рядом с тем местом, где двадцать шестого апреля взлетит на воздух крыша четвертого энергоблока. Всего в тридцати метрах от того места, где уровень радиации будет астрономическим, достигая пятнадцати тысяч рентген. После аварии, во время ликвидации последствий эту часть крыши, где я стоял, назовут «Катя».

Да куда же подевалась эта скотина?

Увидел следы – оказалось, что куратор то ли совершил прыжок вперед, разом преодолев около двух метров, то ли просто скатился. Далее он снова продолжил движение.

Уже через несколько секунд я увидел его спину. Тут меня осенило, куда именно он направлялся – к пожарной лестнице, что намертво была прикручена прямо к стене. По ней легко можно было спуститься вниз, а там скрыться было лишь делом времени. Как эта мразь собиралась покинуть станцию, уже совсем другой вопрос, но наверняка у нее есть план и на такой случай.

– Леха-а! – раздался позади меня крик. Кричал Петров, видимо, расправился с телохранителем и теперь пытался понять, где я.

Не дурак, по следам поймет, в каком направлении я ушел – следы на снегу хорошо различимы.

– Стоять, сука! – заорал я, рывком бросившись за куратором.

Но тот и не думал останавливаться. Выл ветер, метель сильно мешала обзору, залепляя глаза. Было ощутимо холодно, но пока в крови кипел адреналин, холода можно не бояться.

Моя скорость движения, несмотря на снег и покрытую льдом крышу, все равно была выше. Но к тому моменту, когда я добрался до края, тот уже опустился вниз метров на шесть. Оказалось, что внизу была тоже крыша еще какой-то дополнительной пристройки. С нее, уже на землю, вела вниз отдельная лестница. Там высота тоже была весьма серьезной...

Сейчас мы находились на обратной стороне третьего энергоблока. Из-за сильной метели, видимость была плохой, разглядеть что-либо дальше двадцати метров было весьма проблематично. Даже нависающая над нами громада вентиляционной трубы была видна примерно на треть.

Свесившись вниз, я увидел бледную морду куратора. Здоровой рукой он держался за лестницу, а раненой пытался придерживаться, упираясь сгибом локтя в обледенелый металл.

– Куда ты собрался?! – закричал я. – Тебе не уйти!

Он не ответил, его лицо, искаженное гримасой боли и напряжения, походило на какую-то искусственную маску.

Я опустил ноги вниз, тоже начал спускаться, но так, чтобы всегда держать противника в поле зрения – мало ли что у него припасено в рукаве.

Видя, что таким образом ему не уйти, он решил на крайние меры – разжал руки и соскользнул вниз. Одной рукой не удержался и сорвался вниз, приземлившись на бок. Я услышал, как тот скрипит зубами от боли. Нужно брать его как можно скорее...

Но дальше, кое-как поднявшись на ноги и шатаясь, он двинулся ко второй лестнице. Видимо, попав на обледеневшее место, куратор вдруг поскользнулся, со всего маху ударился затылком о поручень и безмолвно полетел вниз.

– Не-ет! – вскричал я, поняв, что произошло. – Вот дерьмо!

Спустившись еще немного вниз и спрыгнув на крышу, я перевесился через край и увидел куратора. Тот лежал прямо на недавно расчищенном от снега асфальте, а на свежем снегу разливалась темно-красная лужа крови...

От досады я долбанул кулаком по поручню. Осторожно перебрался на лестницу, спустился вниз. Подошел к распростертому телу куратора, приложил пальцы к шее.

Тяжко вздохнул. Он был мертв.

Картина ужасная. Раньше, видеть упавших с большой высоты людей мне не доводилось. Мало того, что эта сволочь была с простреленной рукой, так она еще умудрилась поскользнуться так, что падая, зацепилась затылком о металлический уголок поручня, разбив голову. Ну а падение с высоты примерно пятиэтажного дома поставило жирную точку.

– Дерьмо! – прорычал я, понимая, что осталось еще много вопросов.

Решил осмотреть его, вдруг найду что-то полезное. Скоро тут будет милиция, чекисты... Кто все это сможет объяснить, вопрос сам по себе сложный. Как бы международного скандала не вышло.

Из одежды на погибшем был удобный темный костюм, да что-то вроде пальто. Из обуви на ногах полуботинки, причем один из них уже куда-то подевался.

Быстро обшарил его карманы. Ничего интересного, кроме ключей, маленького блокнота и носового платка я не нашел. Не было у него ни паспорта, ни каких-либо документов. Я понятия не имел ни о его гражданстве, ни даже об имени и фамилии. Плохо, что не удалось взять эту гниду живой. Чего теперь говорить?

Вдруг я заметил, что из-под носка на ноге, с которой слетел ботинок, что-то торчит. Стянув его с ноги, я увидел, как на заснеженный асфальт упал небольшой желтый конверт...

Глава 2. Жесткие методы

– Эй! Леха! – откуда-то сверху раздался едва слышный крик.

Сквозь чуть успокоившуюся метель я увидел очертания спускающегося по лестнице Андриюхи. Через полминуты он подошел ко мне и, остановившись, в задумчивости уставился на распростертое тело.

– Да твою мать!

– Угу... – промычал я. – Хотели взять живым, а оно вон как получилось.

– Пульс проверил?

– А что тут проверять? Кровищи натекло, вон, кость сломанная торчит. Само собой, проверил, он мертвее мертвого.

Из-за шума ветра приходилось повышать голос.

– Это ведь не Клык?

– Нет, не он. Судя по тому, что я успел услышать от этого человека, предполагаю, что это иностранный куратор. Тот, кто отдавал указания самому Клыку.

– Оп-па! Ну, мы же хотели поймать крупную рыбу... Ну и что теперь со всем этим делать? Встречи куратора с Клыком или кем-то из его окружения не произошло. А мы понятия не имеем, что они собирались сделать. Выходит, ни хрена мы этим не добились, лишь сами себе задачу осложнили?

Адреналин уже отпустил. Хоть я и был в теплой «Белуге» и военной форме, все равно было ощутимо холодно. Дул пронизывающий ветер – меня давно уже всего облепило липким снегом. Я едва сдерживал дрожь.

– Смотри! – вместо ответа, я показал капитану случайно обнаруженный желтый конверт. – У него в носке был. Такие вещи просто так с собой не носят. Очевидно же – это предназначалось для Клыка!

– Так это в корне меняет дело! – обрадовался Андрей, беря конверт в руки. – Исходя из той информации, что здесь может быть, мы пойдем, как они собирались действовать. Придержи пока у себя. Никому это показывать нельзя, особенно чекистам.

– Угу... Ну а с этим что делать? – я указал на распростертое тело.

– Оставим здесь! Нас тут никто не видел, в такой метели не то, что лиц, вообще ни черта не разобрать! Пусть потом комитетские разбираются, как он здесь оказался и почему он вообще решил разбиться.

– Огласке придавать не будем?

– Мы нет. А вот люди из КГБ – да. Только предполагаю, что не сразу, а после того, как уедет делегация. Иначе произойдет международный скандал – мол, прямо посреди белого дня, у себя на атомной станции русские зверски убили какого-то важного забугрового специалиста... Только представь, какой резонанс будет!

Мы отошли к стене, частично укрывшись от сильного ветра.

– Короче, итог простой! Не хрен этим важным забугровым специалистам незаконно проникать на АЭС, да еще и таскать с собой оружие и телохранителя в придачу! – ухмыльнулся я. – Кстати, что со вторым?

– Я по ногам стрелял. Живой, собака. Едва из меня решето не сделал. Вырубил его, а сам за тобой рванул.

– Зря оставил.

– Да куда он денется?

Я покачал головой.

– Чую, замять такой инцидент не удастся. Комитетские сразу же раздуют бучу.

– Не думаю. Втихую проведут расследование, зачем лишний шум поднимать? Кстати, ты вроде говорил, что у тебя есть знакомые контакты в КГБ?

– Ну, есть один, – кивнул я. – И такая информация ему будет очень интересна. Вот только все, что уйдет в комитет, станет известно и Клык. Там ведь по-прежнему есть крот. Скорее всего, сам Клык еще не в курсе случившегося. Но это лишь дело времени.

– У нас есть еще одна зацепка. Донченко! Ты его хорошо приложил – когда я последовал за тобой, тот без сознания валялся на полу. С виду вроде не дрыщ, а оказался хлипким. Совсем не похож на человека со специальной подготовкой.

– Да он просто завербованный. Ну, думаю, он тоже будет нам интересен... Все, валим отсюда!

Мы поспешили вернуться обратно, причем тем же самым путем, чтобы лишний раз не попасться никому на глаза. Уже забираясь на верхний уровень, я случайно поскользнулся на обледеневшем краю и едва не сорвался вниз. Лишь в последний момент ухватился рукой за поручень, да и Андрюха вовремя подоспел на помощь.

– Надеюсь, ты не решил повторить судьбу куратора? – пошутил он, ухватив меня за воротник.

– Задумался... – ответил я.

Не знаю, насколько было правильным решение бросать тело куратора на месте падения. С одной стороны – мы свидетели того, что эти люди совсем не те, за кого себя выдавали. Можно придать огласке. С нашей помощью комитетским было бы проще разобраться в случившемся... Вот только есть и обратная сторона медали. Андрея тут вообще быть не должно! Ни под своей новой фамилией, ни под старой. Да и какого хрена советский милиционер, без соответствующего на то разрешения, делает на закрытом объекте? Мое присутствие еще можно было как-то объяснить – типа сопровождал, увидел подозрительное поведение гостей, отреагировал, попытался препятствовать. Произошла схватка, убежавший не удержался на краю и сорвался вниз. Был здесь только один подозрительный момент – почему у него рука прострелена? Ведь оружия у нашего подразделения не было в принципе. Ну, кроме тех, что стояли на КПП с автоматами. А любая экспертиза различит калибр пуль. Хватит даже обычного визуального контроля.

Тут сложно все принять во внимание и сделать правильный вывод.

Вернувшись в помещение, где лежал телохранитель, мы едва не поплатились за проявленную беспечность жизнью. Тот пришел в себя, хотя никуда уползти уже не смог. По словам Андрюхи, у него было уже три огнестрельных ранения – два в ноги и одно в плечо. Пусть они и легкие но, тем не менее, это ранения и никакому организму они на пользу не пойдут.

Открыв хаотичную стрельбу, здоровяк едва не наделал во мне дырок. Реагировать на это можно было по-разному. Если бы мы его пристрелили, то обезопасили бы себя. Но если бы не пристрелили, на допросе он бы изложил все как есть, а тогда уже ко мне возникла бы куча вопросов. Расследование однозначно заинтересовалось бы, кем был и куда мог деться стрелок, простреливший ему ноги?

К моему удивлению, стрелок сам избавил нас от проблем. Расстреляв практически весь магазин, последнюю пулю он пустил себе в висок.

Тело мешком завалилось на пол. Воцарилась тишина.

Мы с Андреем удивленно переглянулись, перелезли через оконный проем. Оба пистолета были здесь, оба иностранного производства. Один с пустым магазином, другой с раздробленной рукоятью. А вот наш таинственный знакомый инженер Донченко куда-то пропал.

Какого черта он вообще здесь нарисовался? Какую же роль он исполнял в их коварном плане? Определенно, его нужно найти и разговорить.

– Вот зараза... Чем дальше, тем интереснее! – недовольно пробурчал я. – А ведь этот жалкий червь нас видел. Это плохо.

– Он будет молчать! – невесело усмехнулся Курсант. – У инженеришки самого душа в пятки ушла, когда тот понял, что здесь произошло. Не станет он никуда стучать, у самого рыло в пуху было зарыто. Любой опытный опер его раскусит, стоят только потянуть за нужные ниточки. А если еще и психолог поработает, то вывести его на чистую воду проще простого. Нет, скорее всего, подгоняемый страхом, что его возьмут, Донченко уже либо покинул станцию, либо пытается это сделать прямо сейчас.

Но даже если и так, от нас сейчас ничего не зависело.

Мы оба основательно промерзли. Вся моя форма промокла от начавшего таять снега. Андрюха, в белой экипировке сотрудника станции, выглядел еще более дерьмово.

– Знаешь что, думаю, пора тебе рвать когти отсюда! – заявил я. – Причем поскорее. Для тебя это может быть опасно.

Тут и думать было не нужно. Лучшее решение, которое сейчас можно было принять. Петрову нужно покинуть станцию до того, как начнется кипиш.

Так мы и поступили.

Андрей рванул в сторону пропускного пункта, а я окольными путями явился в реакторный зал четвертого энергоблока, но делегации там не обнаружил. Работавшие там инженеры смотрели на меня косо – все знали, что хоть мы и обеспечиваем безопасность электростанции, доступ у нас есть далеко не везде. Хорошо еще, что отца по пути не встретил – были бы неудобные вопросы, а мне сейчас было совсем не до этого. Я поторопился поскорее покинуть помещение.

Выбравшись в «золотой коридор», я едва нос к носу не столкнулся с Озеровым. Тот выглядел взволнованным.

– Савельев! – воскликнул офицер. – Ты где пропадаешь?

– Выход искал. Двое из этой делегации оказались вовсе не теми, за кого себя выдавали. Я преследовал их, но они все равно скрылись где-то в коридорах между третьим и четвертым энергоблоком.

– Савельев! Их как раз ищут! Где это было? – мрачно ответил старлей, глядя на меня с некоторым подозрением. – Так! А где капитан, что из милиции?

– Понятия не имею. Мы разделились с ним в самом начале, едва начался обход, – намеренно соврал я, искажая общую картину. Пусть мой взводник и знал о том, что я оказывал содействие милиции, пусть все это и выглядело несколько странно – он ведь не знал, сколько на самом деле сотрудников милиции было задействовано в этой операции.

– Так где тебя носило?

– Да говорю же, потерялся я. Там сплошной бетонный лабиринт. Наши в тех коридорах даже не патрулировали ни разу. Как вы себя чувствуете?

– Да не очень, – скривился Озеров. – Чем-то отравился с утра. Наверное, пельмени вчера несвежие были. Хотя до этого все нормально было.

– А где сейчас остальная комиссия?

– Отправились в кабинет Брюханова. Ждут, пока все решится. Савельев, это что же получается... Выходит, в милиции знали, что на нашу АЭС собирались проникнуть иностранные диверсанты?

– Выходит так, – я пожал плечами. – Не просто же так они вдруг решили отбиться от основной группы и погулять по электростанции? А потом еще и бегали от меня, словно кипятком ошпаренные!

– Ладно, Савельев! – распорядился Озеров, взглянув на часы. – Значит, ты не знаешь, где они?

Я покачал головой.

– Ясно. Бегом на проходную, сменишь там Горчакова.

– Есть!

Уже через пятнадцать минут я был на пропускном пункте. А еще через несколько минут вдруг выяснилось, что на территории, рядом с третьим энергоблоком нашли одного из пропавших гостей. Того самого, что разбился об асфальт. Через сорок минут, обнаружили и второго, с простреленными ногами и головой.

Поначалу я опасался, что звуки выстрелов кто-то услышит, но учитывая уровень шума, царивший на некоторых объектах, вряд ли кто-то что-то расслышал. Руководство станции само отдало команду всем рабочим, чтобы не было лишних брожений, дабы не попасться гостям на глаза.

Стоит ли говорить, какая каша заварилась?

Так вот, не заварилась. Конечно, присутствующие на ЧАЭС чекисты всполошились, быстро сообразив, чем все это чревато. Естественно, всем очевидцам тут же заткнули рты и взяли с них подписку о неразглашении. Часть сотрудников, попавших «в поле зрения», прямо сегодня отправили во внеочередной отпуск, лишь бы убрать их с глаз долой.

Я думал, что в ближайшие часы проходная административного корпуса превратится в проходной двор. Но к моему удивлению, никакого кипиша не было вообще – все сделали быстро и тихо. Трупы забрали, комитетские уехали. С нами даже никто беседовать не стал, что совсем меня с толку сбило...

Удивительно, но к вечеру иностранная делегация МАГАТЭ уже убыла из Припяти. По предварительным слухам, что на пересменке сообщил нам Озеров, оказалось, что люди, имена которых присвоили наши жмурики, вообще не покидали Киев. Отсюда несложно было сделать вывод, что с выяснением обстоятельств убийства и несчастного случая будет все очень непросто. Ничего, пусть гэбэшники наконец начнут шевелить извилинами – им полезно будет. Все-таки они профукали сразу двух чужих...

Так как я все еще находился в дежурстве, связаться с Павлом Сергеевичем возможности у меня просто не оказалось. Лишь по окончании наряда, в семь вечера мы сдали дежурство и вернулись на территорию учебного центра. Но и там телефон был недоступен.

Темно-синюю форму пришлось сдать в каптерку, хотя я искренне надеялся, что она приживется. К сожалению, Денисов сказал, что ее больше выдавать не будут. Ну, ясно. Замечают следы, чтобы форма в такой расцветке больше нигде не всплыла – все-таки все члены комиссии нас видели и понимали, кто мы такие.

По прибытии в казарму я рассчитывал осмотреть содержимое конверта, что был предназначен для Клыка, но все никак не получалось остаться одному. А в девять вечера того же дня, непосредственно перед отбоем, Озеров вызвал меня к себе.

– Савельев! – судя по его внешнему виду, старлею за сегодня неоднократно прилетело по шапке за случившееся на станции. – Сейчас ты мне расскажешь все, что произошло на станции!

– Вы о трупах?

– Нет, мля! Об инопланетянах! – рявкнул тот, хлопнув ладонью по крышке стола. – Я уверен, что этот капитан Петров как-то здесь замешан! И ты тоже! Рассказывай!

Я тяжело вздохнул. Тут без вариантов, он знает про то, что я сотрудничал с милицией. Ведь мы сами ему все рассказали, пусть и косвенно. Конечно, там все белыми нитками шито, но это была рабочая версия. Пришлось мне вновь включать свое актерское мастерство, подключать фантазию.

Шумно выдохнув, я спросил разрешения присесть. Озеров не разрешил, хотя по лицу было видно, что далось ему это нелегко.

– Вы, наверное, обратили внимание, что капитан Петров работал один? Не было других милиционеров, так?

– Ну!

– Так вот, он не из милиции. Из структуры повыше статусом.

– Из комитета?

– Да, – кивнул я. – Из отдела атомной контрразведки. Все, что я вам сейчас расскажу, не для лишних ушей. Управлению стало известно, что в составе этой делегации будут люди, которые в ней быть не должны. Их цель носит диверсионный характер. Так как я уже попадал в поле их зрения в Чернигове... В общем, меня привлекли еще раз. А легенда про милицию, выступает здесь как обычное прикрытие. Даже те сотрудники КГБ, что сегодня были на станции, не в курсе о проводимой на станции операции.

Не знаю, поверил ли мне Озеров, но говорил я очень правдоподобно. Оперировал фактами буквально по тонкому краю, вел себя спокойно, говорил убедительно.

– Значит, в их смерти виноват Петров? – глухо спросил он.

– Нет. Вы многого не знаете. Например, вы не просто траванулись... Вас случайно отравили той газировкой, что приготовили для гостей на станции. Уж не знаю, кого именно они собирались травить, но получилось вот так. Когда вас скрутило, диверсанты на моих глазах отстали от основной группы и проникли в технический коридор. Причем не абы куда, они действовали строго по плану. Я пробовал их догнать, но без толку. А капитан Петров догнал. Они открыли стрельбу, но он обоих обезвредил. Одному прострелил руку, но тот решительно разбил окно и попытался сбежать. Крыша была покрыта льдом, присыпанным снегом. Случайно поскользнувшись на скользком краю, один из них сорвался вниз. Второй, тоже раненый, догадавшись, что попал в безвыходную ситуацию, пустил себе пулю в лоб.

Взводник смотрел на меня странным взглядом – смесью изумления и недоверия. Видимо, у него в голове не укладывалось, что все это происходило на самом деле. Мой рассказ сам по себе был не сильно далек от истины, но даже в таком исполнении все равно казался откровенной фантастикой.

– И ты все это видел? – негромко уточнил он.

– Я подоспел, когда капитан уже преследовал второго. Ну, а остальное он мне сам рассказал. Когда мы с вами встретились в «золотом коридоре», я как раз возвращался с места, где все произошло.

– Я не понимаю... – пробормотал Озеров. – Как ты вообще состыковался с этим Петровым? И вообще, я до сих пор не знаю, откуда ты появился в нашем учебном центре!

Я снова вздохнул. Для вида постучал пальцами по столу.

– А сами-то как думаете? – мой вопрос прозвучал настолько многозначительно, что я сам поразился своей выдержке.

– Ты из школы КГБ?!

Я понимал, почему он сделал такое предположение – на фоне остальных срочников я выглядел куда успешнее. Истинную причину моего успеха он, конечно же, никогда бы не узнал. Поэтому я просто кивнул.

И если подумать, со стороны это действительно выглядело правдоподобно.

– Ясно, Савельев, – выдохнул Озеров. – Ты еще тот фрукт, оказывается. Впрочем, я и ранее это подозревал. Наш бывший командир, капитан Гнездов, делал по тебе официальный запрос, а в ответ нам сказали не лезть туда, куда не просят.

– Пусть это остается в секрете.

– Хорошо. А этот Петров... Фамилия настоящая?

– Думаю, что нет, – задумчиво произнес я. – Разрешите идти?

– Идите, товарищ сержант!

Оказалось, что мы разговаривали около часа. Я вышел из канцелярии почти под самый отбой, отошел в бытовую комнату, где никого не было.

Чувствовал себя так, как будто в дерьме вымазался. Я слишком много наговорил, причем значительная часть была ложью, а врать я не любил. Очень не любил. Я делал это только лишь для того, чтобы раньше времени не наломать дров... И вот сейчас было ощущение, что я

все-таки их наломал... Как поведет себя Озеров, когда у него сложится обо мне окончательное мнение?

Забегая вперед, скажу, что к счастью для меня и моей совести, Озеров оказался нормальным мужиком и слово сдержал. Все сказанное в тот вечер в ротной канцелярии, там и осталось.

Как бы я ни хотел вскрыть конверт, делать это нужно было аккуратно. Вдруг там вирус сибирской язвы или бубонная чума?

Решил, что делать это самому не стоит. Поэтому дождался, пока Курсант выйдет со мной на связь, и договорился о встрече. Это произошло на третий день после нашего возвращения с того наряда. Слухи разлетелись быстро, но все они были фальшивыми и даже близко не соответствовали действительности.

В наряд по электростанции меня больше не ставили, ведь именно об этом мы и договаривались с Озеровым. Он сдержал свое слово, а я свое. Теперь, до принятия решения о моем комиссовании, я должен был проявить максимум усилий, чтобы не влипнуть в очередную неприятную историю.

Параллельно я решил повторить ночную операцию с проникновением в нашу канцелярию и, воспользовавшись городским телефоном, дозвониться до отца Генки. Все-таки мне было, что ему рассказать...

Глава 3. Новая информация

– Здравия желаю, Павел Сергеевич! – отчеканил я, услышав знакомый голос в телефонной трубке.

– Зачем ты мне звонишь, Алексей? – вместо приветствия, небрежно спросил тот. Впрочем, я все же заметил некую заинтересованность. – Не помню, чтобы между нами оставались вопросы. Что-то случилось?

– Пока ничего. Но у меня есть для вас крайне интересная информация относительно того, что недавно произошло на Чернобыльской АЭС. Вы ведь в курсе, что там погибло двое иностранцев из прибывшей делегации?

Я услышал в трубке тяжелый вздох.

– Слышал. Но я больше не занимаюсь такими вопросами. Впрочем, с удовольствием послушаю, что у тебя за информация.

– Не по телефону.

– Неужели чего-то боишься? – усмехнулся Павел Сергеевич. – Ладно, считай, что я пошутил. Так, я не в Припяти и в ближайшие дни не планирую туда приезжать. У меня есть другие, не менее важные дела в столице. К тому же моя новая должность не позволяет мне скакать по всему Союзу, как собачонка.

– Вас повысили?

– Да, можно сказать и так.

Повисла пауза. Я переваривал, кем же мог стать Павел Сергеевич, получив новую должность.

– Так как насчет встречи? – поинтересовался я, откинув лишнее.

Несколько секунд Иванец обдумывал ответ, затем произнес:

– Я буду в городе двадцать второго декабря. От Генки слышал, что у тебя нет увольнений. Помочь в этом вопросе?

– Верно, обстоятельства так сложились. Буду очень признателен.

– Хорошо. В три часа дня, на речном вокзале, – ответил тот. – До встречи.

В динамике щелкнуло, чекист положил трубку, и я последовал его примеру. Оглянулся на широко открытую входную дверь в помещение – напротив нее, у самого окна, дневальный стоял на стреме. Младший сержант Фадеев, исполняя обязанности дежурного по роте, на всякий случай меня страховал. Свою просьбу вскрыть канцелярию, я объяснил ему тем, что есть вариант позвонить знакомому милиционеру из «РОВД» и хоть что-то узнать по тем двум убийствам на электростанции. Хорошо, что его не смутило позднее время... Весь учебный центр продолжал потихоньку мусолить эту тему, порой придумывая самые невероятные истории. Этим-то я и воспользовался.

Естественно, в милиции никакого знакомого у меня не было. Ну, кроме Андрюхи, хотя он и не местный. Мы с ним предварительно договорились встретиться в городе, как только появится возможность. Приезжать Курсанту на КПП после всего, что произошло – бессмысленно. Да и слишком подозрительно. И вообще, в ближайшее время ему лучше не светиться рядом с учебным центром.

Меня немного сбивал с толку один момент – раз серию убийств в Припяти уже раскрыли, то теоретически, межведомственная группа Горохова должна была убить обратно в Москву. Однако я предполагал, что Андрей все еще находится в городе. Неужели ему разрешили остаться?

– Леха, ну чего ты там копаешься? Скоро командир вернется! – прошипел Фадеев, заглядывая в канцелярию.

– Уже иду! – ответил я.

Собираясь выходить, я вдруг обратил внимание, что на столе лежала картонная папка, с наклеенной на нее биркой. Посветил фонариком, осмотрел. На приклеенной бирке синей ручкой была написана моя фамилия.

Меня это очень заинтересовало.

Взяв ее в руки, раскрыв и полистав содержимое, я понял, что внутри много документов, касающихся моего процесса обучения, достигнутых результатов. Фотографии. Имелось и старое досье написанное почерком капитана Гнездова, аж на пяти листах. Зачем и для какой цели Потапов все это собрал?

Решил изучить свое досье подробнее, но едва я начал его читать, как снова шикнул сержант Фадеев:

– Леха, шухер. Потапов идет!

Естественно, из-за событий на станции командир вынужден был выйти из отпуска раньше срока – все-таки произошедшее оказалось серьезным инцидентом, и подразделению на это жестко указали. Главная претензия – как на станцию проникли люди с оружием?! Началась череда расследований, разумеется, без огласки.

Я быстро вернул папку обратно на стол, а сам поторопился покинуть канцелярию. Дежурный тут же запер ее обратно на замок. Мельком посмотрел на часы – двадцать минут одиннадцатого – отбой был всего двадцать минут назад. Ответственного офицера неожиданно вызвали в лазарет – сразу у двоих бойцов из четвертого взвода неожиданно выявили пневмонию.

За прошедшее после инцидента на АЭС время я многое успел обдумать.

Во-первых, меня волновал тот факт, что теперь Клык остался без куратора. Что он намерен делать? Будет следовать прежнему плану, начнет импровизировать? Быть может, у него есть и другой куратор? Или же он попросту сбежит, лишившись связи с теми, кто отдавал ему приказы?

Сложно сказать. Я до сих пор не понимал, что представляет собой Клык. Каких взглядов это человек? Какого характера? Да, пусть у меня и был примерный фоторобот, составленный Курсантом по словам Григория – его отца, но это мало что давало.

Вообще, хорошо бы мне самому переговорить с Гришей, вдруг Андрей случайно упустил какую-нибудь малозначимую, по его мнению, деталь? В его аналитических способностях я не сомневался, но все же это не совсем его тема. С такими «клиентами», как Клык, он ранее не сталкивался, а у меня некоторый опыт уже имелся. Да и знаний относительно самой станции и принципа ее работы было куда больше, чем у Андрюхи.

Во-вторых, еще одна проблема оставалась нерешенной – сколько осталось диверсантов? Куратора, если это был он, больше нет. Донченко сбежал, и я не знаю, сумел ли Петров его перехватить? Короткого телефонного звонка оказалось недостаточно для того, чтобы обсудить все проблемные моменты. Про других, если они существовали, вообще ничего не было слышно.

И в-третьих... В свете последних событий, в комитете должны были сообразить, что угроза для ЧАЭС по-прежнему существует. Они должны были принять какие-нибудь ответные меры.

Вся обстановка осложнялась еще и тем, что ко мне уже было проявлено повышенное внимание сверху и меня могли комиссовать в любой момент. Майор Привалов, подложивший мне свинью и сообщивший об инциденте в Министерство Здравоохранения, тоже оказался темной лошадкой. Я так и не понял, каким боком он был замешан во всей этой мутной истории, и действительно ли Клык оказывал на него какое-то влияние? Вообще, этот офицер из военной комендатуры показался мне не совсем адекватным. То он демонстрировал ко мне явную агрессию и раздражительность, то почему-то начал показывать какую-то нездоровую заботу... Явно у него с головой проблемы.

Сложности были со всех сторон, куда ни глянь.

Невольно отметил еще и тот факт, что сам не заметил, как склонил Андрея на свою сторону. Убедил делать то, что ему вообще было не нужно. Он ведь не ставил перед собой целей спасти Чернобыльскую атомную электростанцию и ловить диверсантов. Он просто вытаскивал из передраги отца, который сам не понимал, во что влез.

Я еще раз подумал о том, что мне определенно нужно поговорить с самим Григорием. Вдруг действительно в его расследовании кроется какая-то важная деталь, которая поможет нам? Как жаль, что я скован срочной службой... Покинуть учебный центр – это целая проблема, шаг влево или вправо – сразу залет. Но с другой стороны, если бы не военная служба, хрен бы я когда смог попасть на станцию. Нет, конечно, каким-нибудь сантехником или уборщиком попасть на АЭС относительно несложно, но что бы мне это дало?

Лучше уж так. Увольнений бы только побольше...

* * *

В пятницу вечером нам неожиданно объявили, что в субботу треть личного состава подразделения пойдет в увольнение. В это число в основном вошли те, кто десятого декабря стоял в наряде и участвовал в приеме иностранной делегации. Вроде как поощрение.

Разумеется, я был в их числе – наверняка Павел Сергеевич поспособствовал. Уж у него ниточек хватало, кем бы он теперь ни был. Я даже пытался понять, выше ли он по должности, чем Алексей Владимирович или нет.

Пока я ждал двадцать второе число, неожиданно успел сходить во внеочередной наряд по КПП. Денисов свалился с аппендицитом, пришлось его подменять.

Само по себе несение службы в наряде прошло максимально спокойно – за все время я только несколько раз ворота открыл, когда начальник военного городка въезжал и выезжал с территории. Плюсом был тот факт, что на самом пропускном пункте имелся отдельный городской телефон. Пользуясь возможностью, я позвонил в «РОВД» Припяти и попросил дежурного связать меня с капитаном Петровым. Но неожиданно выяснилось, что такого в отделении больше нет. Как я и предполагал, межведомственная группа благополучно закончила расследование и уже убыла обратно в столицу. Благо дежурный, вовремя вспомнил и продиктовал мне номер телефона, который специально оставили для того, кто будет искать капитана Петрова. Весьма предусмотрительный ход.

Так и получилось.

Набрав номер, я несколько секунд слушал гудки, а потом раздался знакомый голос:

– Здорова, Леха! Рад, что ты нашел способ связаться со мной.

– Как ты понял, что это я?

– По этому номеру мог позвонить только один человек, – спокойно ответил капитан. – Это ты.

– Почему ты не уехал? – я задал вопрос, хотя уже заранее знал ответ. – Ты ж в составе группы был.

– Потому что у нас с тобой осталось незаконченное и очень серьезное дело. Перед отъездом я поговорил с Никитой Егоровичем по душам и выпросил у него двухнедельный отпуск. Полагаю, раз ты звонишь, есть интересные новости?

– Да. Двадцать второго декабря у меня будет увольнительная, я встречаюсь со знакомым из комитета. Нам тоже нужно встретиться в городе и все обсудить.

– Отлично. И у меня кое-что есть для тебя. Кстати, ты тот конверт, что был у куратора, уже вскрыл?

– Нет. Не рискнул. Вдруг там вирус сибирской язвы?

– Ее еще не изобрели! – усмехнулся Петров.

– Не согласен, – возразил я. – Первый смертельный случай в СССР был зафиксирован в семьдесят девятом году, так что вполне возможно.

– Ну, тебе виднее. Ты же в прошлом офицер по всем этим делам. В общем, я тебя понял. Встречаемся двадцать второго? Где и во сколько?

– Давай возле колеса обозрения, в час дня?

– Договорились. До встречи.

* * *

На следующее утро специальным автобусом нас вывезли в Припять. Меня сильно удивил тот факт, что для нас выделили целый автобус, пусть и небольшой. Это с чего такая щедрость?

Спросили у Озерова. Тот косвенно пояснил, что из-за недавних осадков, общественный транспорт между Чернобылем и Припятью ходит очень редко, а командир части дал четкое указание на КПП, чтобы машин такси поблизости не было вообще. Соответственно, добраться до города своим ходом солдаты вряд ли смогут, отсюда нам и перепало. Домой я не дозвонился, поэтому не смог попросить отца забрать меня в субботу.

Конечно, были некоторые опасения, но до города мы добрались без проблем. Всех высадили на центральной площади, неподалеку от дворца культуры «Энергетик».

Первым делом я решил сгонять домой. Затем, сразу к Юльке.

Было ощутимо холодно, дул ледяной ветер. В центре площади увидел большую и пышную новогоднюю елку, щедро украшенную разноцветными шарами и гирляндами. Сверху торчала огромная красная звезда. Чтобы дети не пытались таскать игрушки, красавицу окружили заборчиком, оббитым деревянными стендами с зайцами и медведями. Во всю длину там было написано поздравление с наступающим восемьдесят шестым годом. Уже чувствовалось праздничное настроение.

С улыбкой подумал о том, что и дома наверняка стоит наряженная елка. Скорее всего, живая, пахнущая свежей елью, а не пылью и дешевым пластиком. Черт возьми, я уже и забыл, как пахнет настоящая живая елка, ведь в моем времени мода на искусственные давно уже вытеснила живые. Хотя и не везде.

В предвкушении, я ускорил шаг. Но не успел отойти от площади и на сотню шагов, как позади меня раздался тройной автомобильный гудок. Обернувшись, я увидел желтый четырехместный «Москвич», из открытого окна которого махал рукой Женька Филатов.

Обрадовавшись, вернулся и влез в машину.

– Ну здорова, Леха! – поприветствовал Женька. – Ты чего здесь? В увольнении?

– Ну да, домой иду. Семью уже пару месяцев не могу увидеть.

– Хорошее дело. Давай по пути подкину?

– Не откажусь. Что-то холодно сегодня.

– Ну да, вон снега сколько навалило. Я смотрю у тебя уже погоны другие? Это ты сейчас кто?

– Сержант. На должности заместителя командира взвода. Недавно присвоили. Ну, как недавно, еще в сентябре.

– Так мы же с лета не виделись. Последний раз тогда, у затона. Когда на «Метеоре» катались. Ну, поздравляю. Как служба-то?

Я тяжело вздохнул. Много бы чего хотел рассказать, но не стал. Во-первых, помнил, чем обернулось его стремление помочь мне в решении сложных вопросов, касающихся АЭС – серьезная авария, из-за которой тот слег в больницу на несколько месяцев. Ну а во-вторых – зачем? Вот серьезно, не хотелось мне.

– Да все нормально. Интересно, постоянно что-то новое. В наряды по станции заступаем.

– Ага, знаю. Отец тебя там видел недавно. Ты с комиссией там был.

– Тогда ты в курсе, что там произошел несчастный случай? – спросил я и по выражению лица Женьки понял, что новость его крайне удивила.

– Не, не в курсе. А что за случай?

Все ясно, значит, комитетские все умолчали. Информация через гражданских сотрудников никуда не просочилась. Раз его отец ничего не сказал сыну, значит, либо сам не знает, либо подписал бумагу о неразглашении.

– Да ничего особенного, – отмахнулся я. – Просто во время их визита один человек пострадал. Да, неважно. Лучше скажи как сам? Как Катюха?

– Все хорошо. Скоро станет мамой.

– Вот это я понимаю новость, не то, что у меня. Сплошная рутина.

– Ну а у вас как с Юлей?

Я тяжело вздохнул.

– Да все так же. Месяцами не видимся. Письма писать друг другу перестали, да и мне совсем некогда этим заниматься. Даже не знаю, что с ней и как. Да я отца ее чаще вижу, чем ее саму. Можешь представить, каково ей? Что это за отношения такие, когда не только не видишься, не пишешь письма, но даже и по телефону поговорить не получается... Даже не знаю, может, уже и не ждет меня совсем.

– Она тебя любит, – спокойно ответил Женька, следя за дорогой. – Она понимает, где ты находишься и что отсутствуешь не по своей воле. К тому же она сама дочь офицера, уже привыкла. Поэтому будь спокоен – она тебя ждет! И обязательно дождетя!

Мысленно я был с ним согласен. И благодарен за то, что только укрепил мое мнение. Как жаль, что я не могу привлечь Женьку к своей задаче...

Тут же у меня возникла другая мысль. Раз Филатов тогда пострадал из-за своего стремления мне помочь, то почему это же правило не касается Курсанта? Или все только впереди?

От этой мысли меня пробрала дрожь.

– А ты чего катаешься?

– Да Катю к ее родителям отвозил.

Пока мы ехали, успели обсудить еще пару тем. Через несколько минут он подъехал к моему дому.

– Спасибо, Женька. Ну давай, увидимся. Катюхе привет.

– Ага, передам. Кстати! – Филатов вдруг посерьезнел. – Леха, крестным будешь?

Вообще-то, крестным я уже был, правда, в другой жизни. У майора Ветрова родилась дочка шесть лет назад, вот он и предложил он мне стать крестным. И как-то это дело мне понравилось... Как в гости к нему не приду, обязательно какую-нибудь куклу или хотя бы киндер, но притащу. Но это в той жизни, а сейчас реальность у меня другая.

– Раз ты мне предложил, значит, буду! – улыбнулся я. – Это дело святое!

– Вот и отлично! – обрадовался Женька, пожимая мне руку.

Выбрался из машины, едва не шлепнулся на замерзшей луже. У подъезда все было тщательно посыпано песком, чтобы жители ноги не переломали, поднимаясь по скользкой лестнице.

Поднявшись на свой этаж, я позвонил в дверь. Так как была суббота, вся семья была дома – общими силами наводили в квартире порядок, причем задействованы были все.

Когда мама открыла дверь, я увидел за ее плечом Настю, волочившую за длинный шланг бирюзовую «Ракету». Это неубиваемое детище Днепропетровского завода было в каждой квартире, нещадно шумело, но честно сосало пыль. Кот Тишка сидел на шкафу в прихожей, с ужасом таранился на пылесос и искренне не понимал, зачем эта шайтан-машина с воем катается за хозяевами.

– Привет, мам! – широко улыбнулся я.

– Леша! Ой, привет! – удивленно воскликнула мама и тут же заулыбалась. – Опять не предупредил, вот паразит! Заходи, заходи скорее! Промерз, наверное, весь?

– Да не особо. Меня Женька Филатов подвез до самого дома. Так что, нормально.

– Настя, Сережа. Леша приехал, – крикнула мама.

Пылесос был благополучно выключен, а кот испытал облегчение. Тут же подскочила Настя, прыгнула в объятия. И сразу же испуганно отпрянула:

– Ой, какой ты холодный...

Из кухни показался отец с молотком в руке и сумкой с инструментами через плечо – видимо, что-то ремонтировал.

– Здорово, сын! – сказал он, протягивая руку. – Ну что, увольнительная?

– Так точно! Смотрю, у вас тут парко-хозяйственный день?

– Ну, наконец-то. А то мы уже не помним, когда у тебя последнее нормальное увольнение было. До конца службы осталось десять месяцев?

– Ну, где-то так. Да, недавно отличился в несении службы, вот и отпустили, – улыбнулся я, снимая бушлат. – Ну что, помочь вам с уборкой?

– Конечно, помочь! – ответила за всех Настя и, ухватив меня за руку, потащила в свою комнату. По пути успела похвастаться. – А у нас новый телевизор. Старый теперь у меня стоит.

С уборкой квартиры мы закончили примерно через час.

Когда я выбрался на лоджию, туда же вышел и отец. Вид у него был слегка взволнованный.

– Леш, у тебя все в порядке? – спросил он.

– Да, что такое?

– Я слышал, что ваши солдаты стояли, когда на станцию прибыла делегация из МАГАТЭ? Там у вас что-то произошло, да?

– Ну, можно сказать и так, – слегка напрягся я. – А что?

– Среди наших мужиков поползли слухи, что директору станции Виктору Брюханову очень не понравилось, что у него повсюду стоят военные, от которых нет никакого толка. Вроде как он даже в Москву собрался звонить, чтобы обсудить этот вопрос с высшим руководством.

Я усмехнулся. Кто такой Брюханов, что собрался перебороть инициативу КГБ СССР по охране атомных станций?

– Не думаю, что это произойдет на самом деле. Его ведь тоже можно понять, на станции двойное убийство и...

– Что? Как двойное убийство? – изумился отец.

– Вот так, пап, – ответил я, сообразив, что сболтнул лишнего. Несколько секунд я соображал над тем, стоит ли продолжать. Почти сразу решил сказать ему часть всей правды, относительно произошедшего десятого декабря. – Никаких несчастных случаев там не было. Это были люди, которые намеренно собирались устроить аварию на четвертом энергоблоке. Их выявили и ликвидировали люди из первого отдела атомной контрразведки. Теперь понимаешь, почему я был против, чтобы ты переводился на новое место?

Отец не ответил. Лишь судорожно выдохнул... Около минуты он думал, затем спросил:

– А откуда ты об этом знаешь? – с некоторым недоверием спросил он.

– Пап... Вообще-то, я не должен об этом говорить. Но, чисто между нами... Наше подразделение частично курирует комитет госбезопасности, отсюда и допуск к информации. К тому же я был в дежурстве на станции десятого числа, – я старался говорить как можно проще, но все равно, сам того не желая, нагнал жути. По его посеревшему лицу все стало понятно.

– И что, теперь никакой угрозы больше нет?

– К сожалению, есть, пап, – вздохнул я, колеблясь. – Я не могу тебе всего рассказать, сам понимаешь. Но! Угроза никуда не делась и не денется в ближайшие полгода, год. Скажу честно, что пока рядом стоит «Дуга-1», станция тоже под угрозой. Никогда не думал, что если устроить

серьезную аварию, то АЭС перестанет работать и, соответственно, не сможет снабжать ЗГРЛС электроэнергией. Все просто.

– Думал. Но кому нужно устраивать аварию? Будут же ужасные последствия! Да и каких масштабов должна быть авария, что придется остановить всю станцию?

Я промолчал. Хотел бы я ему рассказать об аварии на двадцать шестое апреля, очень хотел. Но делать этого было никак нельзя.

– Да-а, Леш... Ты мне такое рассказал, а я и понятия не имел...

– Пап, только это строго между нами, хорошо? Я тебе ничего не рассказывал. И, наверное, будет лучше, если ты все-таки переведешься куда-нибудь из четвертого энергоблока. Да и вообще, подальше от АЭС.

– Ты знаешь, мне что-то расхотелось работать на атомной станции! – негромко ответил он, вытирая вспотевший лоб.

– Отличное решение, пап! – похвалил я. – Слушай, все хотел тебя спросить. А ты инженера по автоматике, с фамилией Донченко знаешь?

– Сергея? Конечно, знаю. Он же в соседнем доме живет. Забыл, что ли?

Глава 4. Чем дальше в лес...

Некоторое время я провел в своей комнате. В голову неожиданно пришла любопытная мысль. Когда я звонил Павлу Сергеевичу на домашний телефон, он взял трубку, хотя сам сказал, что находится в столице. Это как так у него получилось? Может, конечно, у чекистов и имелась возможность переадресации вызова, но я не помню, чтобы в восьмидесятые уже существовала подобная технология.

Из дома я вышел минут через сорок после нашего разговора с отцом.

Перед уходом я позвонил Юльке – хотел убедиться, что она дома. Трубку взял ее отец, эхом был слышен звонкий лай собаки и девичий голос. Кажется, Баффи пытались учить каким-то командам. Не поздновато ли?

– Слушаю, Кошкин! – раздался суровый голос подполковника.

– Здравия, товарищ полковник.

Все военнослужащие знают, что подполковников за глаза называют полковниками, а когда те делают замечания, им в ответ прилетает: Ну, так будете же.

– Дай угадаю, в увольнении или снова проблемы?

– Первое. Второе неуместно.

– Понял тебя. Заглянешь к нам?

– Конечно. Только пусть это будет сюрпризом.

– Как скажешь!

– Тогда до встречи. Ждите минут через сорок, товарищ полковник, – на всякий случай, предупредив отца Юльки, я положил трубку.

Сейчас передо мной была непростая дилемма – что делать в первую очередь? На часах пятнадцать минут двенадцатого, в час обозначена встреча с Курсантом. В три часа должна была быть встреча с Павлом Сергеевичем на речном вокзале. И хотя большую часть своего времени я собирался провести с любимой девушкой... Однако сначала я рассчитывал навестить товарища Донченко. Раз он жил в соседнем доме, так почему бы мне не навестить его? Так сказать, убить двух зайцев одним выстрелом. Конечно, на самом деле такого не бывает, но очень хочется.

Угрозы в этом решении я не видел. Завербованный Донченко в моем понимании был хитрым, но трусливым человеком. Вряд ли он опасен, хотя тут как посмотреть... Крыса, загнанная в угол, становится очень опасной и способна вцепиться в горло того, кто ее в этот угол загнал.

Когда Курсант поспешно уходил со станции, теоретически он мог столкнуться на проходной с инженером. Очевидно, что Донченко настолько сильно перепугался, что постарался сбежать со станции как можно скорее и, вероятно, преуспел в этом. И куда он мог сбежать – большой вопрос. Другой вопрос, почему инженер уже несколько дней не выходит на работу? Возможный ответ напрашивался сам собой – например, взял больничный или бесплатный отпуск.

Размышляя об этом, я подошел к соседнему дому. Рядом с первым подъездом, на лавке, подложив под пятые точки подушки, сидели бабушки, по уши замотанные в пуховые платки и шубы. Несмотря на холод, они яростно обсуждали принятый Горбачевым сухой закон и то, сколько «радости» он принес. Краем уха я подслушал, что одна назвала другую Тамарой Петровной.

Не церемонясь и не теряя зря времени, я решил действовать.

– Тамара Петровна, добрый день! – громко поприветствовал я, подходя ближе и привлекая внимание бабушек. Обе, как по команде, обернулись и уставились на меня таким взглядом, будто я Гитлер во плоти. Но, видимо, система опознавания «свой-чужой», сработала как надо, и они тут же расслабились.

– Ой, здравствуй, Алексей, – отозвалась крайняя бабушка. – Что-то тебя не видно совсем в последнее время. Смотрю, поправился хорошо и в плечах шире стал. Возмужал. Спортом занялся?

– Давно уже, – улыбнулся я. – Еще в октябре восемьдесят четвертого я в армию ушел. Вот и сейчас служу. Сегодня в увольнении.

– А-а, вот оно что. А я-то думаю, куда ж это Лешка Савельев пропал? Все ходил раньше, книжки таскал из библиотеки, а потом раз и пропал, как будто и не было тебя. И родителей редко вижу, только девчонка иногда бегаёт тут.

– Ну да. Вот так вот получилось.

– А где ж служишь-то? – поинтересовалась соседка. Может, мой реципиент и знал представителей дворовой разведки, но почему-то их имена в памяти не задержались.

– Да недалеко здесь, под Припятью, – я неопределенно махнул рукой. – Где антенны над лесом торчат.

– А-а, знаю. Знаю. Мой сосед Иван Федорович когда-то там работал. До чего противный старик.

Я тактично пропустил мимо ушей историю про не очень хорошего соседа, затем спросил:

– Тамара Петровна, а не подскажите, в какой квартире Донченко Сергей живет?

– Конечно, подскажу, – охотно ответил женщина, задрав голову вверх и ткнув пальцем. – В тридцать пятой. Вон то окно, с желтой занавеской. А тебе он зачем?

– Да со службы просили проведать его, передать технический отчет. Он на больничном числится, уже неделю как работа стоит... Вот пока я в увольнении, сказали забежать по пути, все равно ведь живем рядом.

– Да? – удивилась пожилая женщина. – Вот так совпадение. В четверг к нему тоже с работы приходили. Тоже искали и спрашивали, куда он пропал.

– Серьезно? А кто именно приходил? – напрягся я, заподозрив странность.

– Да почему же я знаю, – развела руками Тамара Петровна. – Мужчина какой-то, в черном пальто и шапке норковой. Вежливый, учтивый. С дипломатом приходил.

– Еще у него борода небольшая была, – вставила свое слово ее соседка.

А вот это очень любопытная информация. То, что к нему приходили вовсе не с работы, и без гадалки было ясно.

– А он вообще на улицу выходит? В магазин там или мусор вынести?

– Точно, выходил. В четверг его видела, – отозвалась Тамара Петровна. – Мне еще показалось, что он чего-то опасался, все время по сторонам смотрел, будто искал кого-то. В руках мусорное ведро было, с крышкой.

Еще несколько минут потрепавшись с местными разведчиками, я все-таки нашел повод попрощаться и вошел в подъезд пятиэтажного дома, где проживал Донченко.

Никаких лифтов в пятиэтажке, естественно, не было, стандартная бетонная лестница, точно такая же, как и в моем доме. Поднявшись на последний этаж, я остановился у деревянной двери тридцать пятой квартиры.

Подошел ближе к двери и, прислонившись ухом, прислушался. Внутри царил полная тишина, а вот в соседней квартире справа играла музыка, слева, наоборот, ревел обиженный ребенок.

Выдохнув, я протянул руку и нажал на черную кнопку звонка.

Почему-то ни кукушки, ни вообще какого-либо сигнала я не расслышал. Довольно странно, ведь звонок не будет работать только в том случае, если на квартиру не подается электричество. По крайней мере, в то время проводка была завязана именно на таком малоизвестном факте.

Решил постучать. Выждал несколько секунд и постучал еще раз.

Снова тишина. Выходит, Донченко покинул квартиру и куда-то уехал?

Вообще-то, такой вариант я не исключал. Чего ради сбежавшему инженеру отсиживаться в собственной квартире? Отыскать его здесь совсем не проблема, да и кто же станет так бес-толково прятаться, зная, что его ищут? Он ведь еще на станции понял, что тот, кого куратор хотел пристрелить, оказался не промах, да к тому же еще и работал не один. Возможностей ухода уйма. Например, по-быстрому собрать вещи, прыгнуть на ближайший автобус и свалить куда-нибудь подальше. В Минск, Белгород или Киев. И все же...

От досады я с силой пнул деревянную дверь носком ботинка и понял, что та была лишь прикрыта. Ни о каком внутреннем замке и речи не было.

Дернув дверь за ручку на себя, я распахнул дверь.

Внутри тишина. Никто ко мне не вышел.

– Эй, есть кто? – позвал я, но ответа не было.

Выждал несколько секунд – вдруг хозяин квартиры засел в туалете? Ну или в ванной, мало ли? Но и по прошествии минуты ничего не изменилось.

Пользуясь случаем, я решил войти внутрь и осмотреться. Раз он покинул квартиру, быть может, забыл что-то важное, что окажется полезным для меня? Документ, записка, какой-нибудь блокнот или любой другой предмет...

Аккуратно вошел, прикрыл за собой дверь и прислушался – соседям было совсем не до того, что происходило на их лестничной площадке. Затем я закрыл входную дверь полностью.

Квартира была не очень большой, хотя и двухкомнатной, обставлена очень просто. Обои, которыми был обклеен коридор, вызвали у меня приступ мигрени – какие-то колокольчики, розового цвета и кузнечики. Просто кузнечики. Блин, да кто вообще в Союзе придумывал дизайн обоев?

Я машинально открыл дверь туалета, заглянул внутрь – темнота, пустота. Клацнул выключателем – ничего не произошло. Мельком взглянул на висевший справа счетчик – диск стоял на месте как влитой. Это подтвердило мое предположение, что квартира обесточена и электричества тут нет.

Выходит, инженер реально уехал?

Ну понятно, что бабки у входа не могут дежурить круглосуточно. Он вполне мог сбежать ночью, когда не было лишних глаз. Я бы поступил так же, ведь ночью уйти в бега гораздо легче просто потому, что лишние глаза и уши – спят.

Двинулся дальше. Приоткрыл дверь в ванную, тут же закрыл ее – внутри никого не было.

Впереди располагалась небольшая кухня.

На мгновение у меня возникла мысль, что Донченко никуда не уехал. Кто бы к нему ни приходил, он мог явиться с целью ликвидации инженера, как ненужного свидетеля. Значит, чисто гипотетически, я вполне мог обнаружить в одной из комнат болтающегося на веревке инженера.

В кухне тоже никого не оказалось.

Я ради интереса заглянул в холодильник – там было довольно много еды, но судя по запаху, она уже была безнадежно испорчена. Если Тамара Петровна не ошиблась, то в четверг Донченко еще был здесь и тогда же к нему приходил неизвестный человек «с работы». Исходя из этого, можно сделать вывод, что как минимум полтора дня все здесь было брошено.

Далее я посетил гостиную комнату, спальню и кладовую. Квартира была пустой. На полу в гостиной, возле дивана, была разлита какая-то бурая жижа. Оказалось, что это какой-то подсохший ликер, пролившийся из лежащей на боку бутылки. Случайно выпачкавшись, я решил быстро сполоснуть руки. Вытащил из кармана бензиновую зажигалку, высек пламя и прошел в ванную комнату. Обратил внимание, что ширма была задвинута – это само по себе странно. Рывком сдвинул ее в сторону... Каково же было мое изумление, когда в самой ванне я обнаружил скрючившееся тело инженера. Не было никаких сомнений, Донченко был мертв.

Разумеется, на несколько мгновений я остолбенел.

На трупы, попавших в зону действия отравляющих веществ, я, конечно же, посмотрелся еще в прошлой жизни. Однако сейчас ситуация была иной, да и общая обстановка совершенно не походила на те, в которых я оказывался. Передо мной лежал абсолютно голый мертвый человек, которого задушили. Он посинел, выглядел просто кошмарно.

В воздухе уже витал слабый трупный запах.

Я отчетливо различил, что вокруг горла погибшего была намотана толстая леска, на кончике которой болталась черная резиновая пробка-заглушка. Зрелище просто жуткое – его зверски задушили прямо в собственной ванне. Как так получилось, почему он не оказал сопротивления – сбивало меня с толку.

– Что же здесь произошло? – задумчиво пробормотал я, перебирая в голове варианты произошедших событий. – К нему пришел кто-то из окружения Клыка, либо вообще сам Клык, ловко вскрыл дверь и под шумок проник в тот момент, когда Сергей принимал ванну? Затем просто взял и задушил?

Это само по себе было чудовищно.

Стоит только представить, каково ему было, когда его душили. В скользкой ванне сопротивляться практически невозможно. А может быть, его убили в другой комнате, а потом раздели и оттащили в ванную. Хотя зачем? Кому нужно столько возни?

Бутылка с ликером валяющаяся на полу, лежала там не просто так, Значит, все-таки какая-то борьба была. Может, они выпили?

Черт, да можно сколько угодно строить гипотезы, я же не следователь. Вот Петрова бы сюда, тот, может, что-то и нашел бы.

На первый взгляд здесь не было ничего, что могло бы меня заинтересовать. Разумеется, бродить и осматривать каждый шкафчик я не мог, у меня на это весь день уйдет. А задач на сегодня и так полно, успеть бы все разгрести.

Я поторопился стереть свои отпечатки со всех дверных ручек, с выключателей, крана, и всего, чего касался – благо не имел привычки лапать все подряд. Закончив, я быстро покинул квартиру, плотно закрыл за собой дверь. Спустившись вниз, я остановился в подъезде на первом этаже. Обе женщины все еще сидели на оккупированной лавочке почти у входа и болтали. Даже не знаю, показываться им или нет?

По-хорошему, мне нужно сообщить в милицию, но тогда будут вопросы – а какого черта я вообще делал в чужой квартире? Конечно, доказать, что якобы пришел его навестить можно, вот только с какой целью? Я ему не родственник, да и не друг совсем. С чего бы чужому человеку проявлять внимание? Вариант «за солью», тоже не подходит.

Тамара Петровна и ее соседка по лавочке подтвердили бы, что я действительно приходил к Донченко с целью поговорить, с работы. А вот обратно не выходит... Пусть, никакой преступной составляющей в моих намерениях и не было, да пойдешь докажи... Вместе мы с ним не работали, да и вообще он человек гражданский, я военнослужащий срочной службы... Ну нет, точно никуда сообщать не нужно. Зачем мне лишней раз привлекать к себе внимание? Командование учебного центра и так на меня криво смотрит, просто потому, что как сказал товарищ Черненко, я реально магнит для неприятностей.

Как вариант, оставался анонимный звонок в милицию с уличного телефона-автомата. Ведения записей разговоров в те годы еще не было, да и идентификации людей по голосу формально не существовало.

И все же, я не рискнул выйти на улицу. Пусть видят, что я заходил и выходил. А лучше сообщить им, что никого дома не застал... Позже лучше сообщить Петрову при встрече, а уже он подскажет, как правильно действовать.

Я неторопливо покинул подъезд, вышел на крыльцо и осмотрелся.

– Алексей, ну что там, нашел Сережку? – поинтересовалась Тамара Петровна.

– Да не было никого, – пробурчал я, недовольно махнув рукой. – Звонок на двери не работает, стучал минуты три – никто так и не открыл. Соседей не было. Может, Сергей уехал куда?

– Может и уехал. Он вообще несильно разговорчивый был в последнее время, хотя вежливый и воспитанный. Всегда здоровался, помогал сумки на этаж поднять.

– А как давно он живет в этом доме?

– Ой, да лет шесть уже, а может, и больше.

– Да ты что, Петровна! – возмутилась соседка. – Меньше шести! Он в конце восьмидесятого года заселился!

– Да это у тебя склероз на старости лет! – возмутилась другая женщина. – А вот и нет. В семьдесят девятом!

– Какой семьдесят девятый? Ты на пенсию в каком пошла?

В общем, пока они выясняли отношения, я благополучно скрылся в направлении колеса обозрения, где у меня была назначена встреча с Петровым.

Добрался я вовремя, несмотря на то, что на дорогах был гололед.

Часы показывали без десяти час, когда я добрался до печально известного колеса обозрения, которое еще не работало. Более половины кабинок отсутствовало по причине того, что его в октябре только установили, а на зиму процесс ввода в эксплуатацию временно заморозили. Его запуск был назначен только на начало мая восьмидесят шестого. К сожалению, в мое время колесо так и не дождалось своего часа.

Время неумолимо летело вперед.

Конечно, я ругал себя за то, что предварительно позвонил Кошкину и предупредил, что буду у них через сорок минут, но так и не явился. Это плохо и совершенно неуважительно. Встречу с Петровым нужно было провести максимально быстро, хотя вопросов накопилась тьма, и по-быстрому при всем желании не получится.

Андрей уже был на месте, оккупировав одну из лавочек. Кстати, пришел он не один, а в сопровождении Григория. Последний был в бегах, потому как сохранялась угроза того, что его могут застать врасплох. Особого смысла в этом уже не было – он рассказал все, что знал сам. И все же Курсант настоял на этой мере предосторожности.

Оба выглядели хорошо, утепившись в куртки «Аляски» темно-синего цвета.

– Давно сидите? – издали начал я.

– Перед тобой подошли. – Андрей сразу подошел ко мне и между делом шепнул: – Отцу ни слова о том, кто мы.

Я молча кивнул, затем обратился к Грише:

– Рад тебя видеть, Григорий! Как здоровье?

– Аналогично. Жить буду, правда, недолго! – усмехнулся тот, пожимая мне руку.

– Ну что, прогуляемся или здесь поговорим? – спросил я у Андрюхи.

– Давайте посидим здесь, а потом можно в столовую заглянуть? Уже время обеда, а мы и не завтракали толком.

Честно говоря, я бы тоже не отказался закинуть что-нибудь съестное в желудок. Хоть мама и предлагала немного подождать и пообедать, времени на ожидание у меня не было совершенно.

– Хорошая идея! – отозвался я, затем посмотрел на Андрея и продолжил: – Тогда, чтобы зря времени не терять, вот вам новость номер один – Донченко задушили в его собственной квартире! Точнее, в ванной. Но это под вопросом... Клыка на станции, судя по всему не было, когда мы устранили куратора. Он мог предполагать, что для меня готовится ловушка, но чем все закончилось, он знать не мог. Комитетчики наверняка ничего не афишировали даже в своих рядах, чтобы не допустить утечки. Установили они личности погибших тех или нет – мы не знаем и вряд ли вообще сможем это узнать. Не суть... Вопрос вот в чем... Клык, если это

был он, явившись к Донченко, сначала должен был его обо всем расспросить, а только потом задушить.

– Логично, – нахмурился капитан. – Клык – человек умный и расчетливый. Даже если действовал не он, а кто-то из его подручных, нам от этого не легче. Хреново получается, ведь КИПовец мог сообщить нам полезную информацию, а теперь это невозможно. А как ты об этом узнал?

– Он живет в соседнем доме, – честно признался я. – Ну вот и подумал, а почему бы не навестить его?

– Леха, ну ты чего, блин? – возмутился Андрей. – Он же тебя видел на станции! И любому знает, кто ты такой на самом деле. И вообще, тебя там тоже могли ждать. Вот так бы заявился, а тебе пуля в лоб!

– Да знаю я, знаю, – честно говоря, о том, что меня там тоже мог кто-то ждать, я даже не подумал.

– Ведь не просто же так он появился в самый неподходящий момент в том помещении! Думаю, он вообще считал, что уже все закончилось, а тут такое... Скорее всего, он работал на Клыка. И именно он должен был передать Клыку тот конверт от куратора. Значит, ты был на квартире и нашел его труп?

– Ну да.

– Сообщил куда-нибудь?

– Нет, не рискнул. Зачем мне лишний раз светиться?

– Вот это правильно. Самое лучшее сейчас – это анонимный звонок в РОВД, так мол и так, по такому-то адресу в ванной лежит труп. Идите, посмотрите.

– А может, ты по своим каналам заявишь? – поинтересовался я.

– Тоже вариант. Я могу сам позвонить и даже представиться в звании и по фамилии. А объяснить информацию могу тем, что получил ее от своего информатора. По закону, по служебной деятельности, я имею право не предавать огласке личность своего информатора. Типа мера предосторожности. Но все же первый вариант предпочтительнее.

– Так и сделаем.

– Что с конвертом? – спросил Андрей. – Он у тебя с собой?

– Да, в кармане.

– Доставай, посмотрим, что там такое.

– Уверен? – на всякий случай переспросил я.

– Ага, открывай.

Я аккуратно оторвал край желтого пергамента. Наружу выпала свернутая вчетверо тонкая бумага, на которой имелся точный план Чернобыльской АЭС с обозначениями.

– Вот черт, вы это видите? – прохрипел я, подняв взгляд на своих спутников...

Глава 5. Теоретически подтверждено

Мы внимательно смотрели на план.

Лист, формата, близкого к современному А3 был выполнен из какой-то хитрой бумаги и аккуратно сложен в четыре раза. На нем были отчетливо изображены все четыре энергоблока ЧАЭС, со странными отметками на английском языке. Но даже на первый взгляд было ясно – они собирались серьезно поменять планы относительно уже известной нам информации. Если изначально их целью с высокой долей вероятности был только четвертый реактор, то теперь обозначения в виде жирного черного крестика стояли еще и на втором.

– Вот суки! – сквозь зубы процедил Андрей, затем уточнил: – Я правильно понимаю, они хотят саботировать еще и второй блок? Как будто аварии с четвертым было недостаточно!

– Почему было? – в недоумении спросил Григорий. – Будет!

– Ну, то есть будет, – отмахнулся Курсант, не акцентируя на этом внимания. – Уже голова кругом идет всех этих событий. Я заикаться скоро начну.

– Раз Клык не получил этот конверт, значит, он не знает об изменениях, которые принял куратор или кураторы, – продолжил я. – Следовательно, он будет придерживаться старого плана.

– Не факт, – возразил Андрей. – Что ему мешает импровизировать или вообще все бросить и сбежать?

– Если бы он хотел сбежать, сделал бы это в первый же день. Да и куда ему убежать? Клык и тут неплохо живется, учитывая, что возможно, он имеет какую-то должность в комитете. В этот четверг он явился к Донченко, выведал информацию относительно произошедшего на станции, а затем задушил его. Это говорит о том, что бросать работу на полпути он точно не намерен.

– Ты прав. Кстати... А чем именно он задушил инженера? – вдруг спросил Петров. – Удавкой?

– Леской, – вздрогнув, произнес я. – На которой заглушка для ванны цепляется. А это важно?

– Скорее, оригинально! – хмыкнул капитан. – Ладно, это не имеет никакого значения.

– Важно понять, какой изначальный план был у Клыка, – заметил Гриша.

Курсант посмотрел на меня выразительным взглядом – изначальный план, пусть и приблизительно, без деталей, мы оба и так знали. Но сейчас рядом был его отец и поэтому говорить открыто мы не могли, приходилось обдумывать каждое слово, чтобы не ляпнуть чего-нибудь лишнего. Для Григория сын оставался сыном, а учитывая профессиональную деятельность журналиста, тот случайно мог услышать то, что не предназначалось для его ушей.

– Григорий, то расследование, что ты проводил... – поинтересовался я. – Ну по радиационным авариям на территории СССР. Какое из них было самое серьезное? И самое странное.

– Ну... – задумался журналист. – Наверное, Кыштымская авария пятьдесят седьмого года. Тогда рванула одна из емкостей с ядерными отходами. Как итог – значительно была загрязнена территория, хотя сам химкомбинат «Маяк» почти не пострадал. А странным там было то, что буквально через несколько часов после аварии непонятно откуда появились люди в черных, защитных одеждах, с черными противогазами на головах. В руках у них были неизвестные приборы, которыми они в течение нескольких часов проводили какие-то замеры, а затем, словно испарились. Фотографии, подтверждающие этот факт, тоже имеются. Точнее, имелись. Архив, в котором я их нашел, неожиданно сгорел спустя несколько недель после моего посещения. Там было несколько записок ликвидаторов-очевидцев.

– Любопытная информация. Этими людьми могли быть кто угодно. Выходит, уже тогда воздействие радиации на окружающую среду кто-то изучал? Только огласке это, само собой,

придавать не стали, так? Со временем это постепенно забылось, ведь почти тридцать лет почти прошло.

– Ну да. Чтобы узнать даже крупницы информации, мне пришлось проделать тьму работы. На это ушло почти полгода, но все равно узнать удалось немного. Однако точно известно, что это была одна из первых крупнейших радиационных аварий в Союзе и до нее понятия не имели, что такое радиация, и как она воздействует на живые организмы. И есть у меня очень серьезное подозрение, что эти аварии провоцировались намеренно. Ну, чтобы посмотреть – что будет!

У меня в голове шел сложный мыслительный процесс. Во время Чернобыльской аварии тоже толком не знали, как оказывать первую помощь при лучевой болезни и вообще, как ее эффективно лечить. Значит, кто бы ни изучал эти аварии, в медицину это не пошло. Конечно, сложно предположить, что на территории СССР действовала некая иностранная спецгруппа, которая присутствовала непосредственно на местах аварий, собирала данные и затем исчезала. Попахивает мистикой. Если бы такая группа существовала, ее бы вычислило КГБ...

В принципе, Гриша лишь подтвердил то, что я и так знал. Правда, о неизвестных людях, в черных защитных одеждах я ничего не знал, но несложно сопоставить факты. Расспрашивать журналиста о том, как он вообще умудрился получить доступ к засекреченным архивам, я не собирался, но неожиданно тот сам завел об этом речь.

– Я вообще почему всем этим заинтересовался... У меня знакомый работал в одном из секретных архивов и попутно писал статьи про различные аварии на производстве, где имелось ядерное топливо. Дошел до аварии на ЛАЭС, что была в Ленинграде в семьдесят пятом году. Он настолько увлекся, что утратил бдительность. Даже с кем-то консультировался на этот счет, и не единожды. Так вот, когда он почти закончил, неожиданно пришли серьезные люди из КГБ и арестовали его. Попутно изъяли все материалы. Его обвинили якобы в пособничестве иностранным спецслужбам и измене родине. На него завели целое дело, но в итоге до расследования не дошло – тот неожиданно повесился у себя в камере. Или ему «помогли» повеситься. Позднее, в восемьдесят четвертом году я случайно встретил его супругу. Так вот она мне и пожаловалась, что одной тяжело после смерти мужа. Обвиняла и его самого за самонадеянность и глупость, обвиняла комитет госбезопасности, да и всю страну в целом. В общем, за разговорами пригласила меня на чай, а пока рассказывала, заодно показала коробок с наработками, который чекисты не нашли по чистой случайности – семилетний сын знакомого накидал в коробок старых газет и журналов. Он чудом не привлек к себе внимания просто потому, что сам был разрисован зайчиками и машинками. По ее словам, она вообще его случайно нашла, но выбросить не решилась. В общем, так оно и получилось. Она отдала его мне, и позднее там много любопытного нашел. И тот блокнот, что ты нашел в поезде – тоже оттуда.

– А зачем ты мне его подкинул?

– Сам не знаю, – признался Григорий. – Интуитивно получилось.

– Ну а дальше-то что было? – спросил Андрей.

– Я начал узнавать, спрашивать. Рыться в архивах, проверять. Пришлось поехать по Союзу, долго и много беседовать с нужными людьми. Было непросто, но это того стоило. Везде имелись следы, которые и выводили на тот или иной факт. Я так думаю, люди из комитета тоже что-то пронюхали, вот и обрубали концы. По моим подсчетам сторело несколько архивов.

– Так вот почему меня не раз просили, чтобы ты остудил пыл и не лез, куда не просят? – догадался Андрей. – Ну, отец, блин...

Григорий лишь развел руками в стороны.

Я усмехнулся, а Курсант продолжил:

– Я только одного не пойму, а кто же все-таки изучал последствия воздействия радиации на организмы? Это не одним годом все было сделано. Аварии ведь случались на протяжении тридцати лет.

– Хороший вопрос. Может, эти люди в черном как раз из комитета, а в их числе крот. Он мог выдавать себя за КГБ, но не состоять в нем! Глубоко законспирированный агент.

– Куратор, при разговоре, упомянул, что работа по диверсии на ЧАЭС идет давно, – заявил я. – И не только. Выходит, у них было две цели – вывести из строя «Дугу-1», а еще значительно облучить население, чтобы посмотреть – что будет?! Это все звенья одной цепи.

– А вам не кажется, что недоделанный реактор намеренно ввели в строй, уже наперед зная, что он дефективный? – выдвинул смелое предположение Андрей.

– Почему это он дефективный? – удивился Гриша. – Я об этом ничего не слышал.

Блин, опять прокололись. У отца Курсанта и мыслей не было, что реактор РБМК-1000 сам по себе был далеко не лучшим решением. Сложный момент, относительно доверия.

– Потому, что в некоторых режимах работы он очень нестабилен, – вмешался я, разрядив обстановку.

– Вам не кажется, что мы ушли от темы? – спросил Андрей, которому все эти исторические факты про аварии, ни о чем не говорили.

– В общем, так, они собираются устроить аварию на самом реакторе, потому что знают о последствиях. Вопрос в том – когда, как и сколько человек за этим стоит! – твердо произнес Григорий.

Мы с Андреем снова переглянулись. Когда и как мы знали, а вот сколько человек... До недавнего времени нам был известен только один возможный сообщник – инженер Донченко. Но теперь его можно было списывать со счетов, потому что ничего он нам уже не расскажет.

У меня в голове мелькнула мысль – да ни хрена диверсанты не знали о возможных последствиях. Стремилась побыстрее устроить диверсию, а когда жажнуло и всю Европу накрыло радиоактивное облако, за голову схватились. Правда, не те, кто устроил аварию, а руководство европейских стран. Реакторы, тем более таких размеров как РБМК, еще никогда не взрывались.

Ну, своего-то они точно добились. «Русский дятел» сначала был заморожен, а потом и вовсе благополучно заброшен. Противоракетный щит, на который ушла значительная сумма государственного бюджета, развалился и позднее был распилен на металлолом. А потом развалился и сам СССР, никакие ракеты уже были не нужны. Только вот Припять стала городом-призраком, пострадала тьма народа, ну и пошатнулась позиция Союза на мировой арене. Треснула экономика, поползли разговоры среди населения. Ну и пропаганда ещё. В общем, тот, кто за всем этим стоял, своего определенно добился.

Некоторое время мы молчали.

– Может, зайдём в столовую? – предложил Андрей.

Я прямо почувствовал, как желудок обвился вокруг позвоночника. От голода.

– Хорошая идея! – ответил я, затем посмотрел на часы и добавил: – У меня запланирована еще одна встреча с важным человеком. Впрочем, до самой столовой я вас провожу. Есть у меня одно место хорошее на примете.

Мы покинули лавочку и выдвинулись в сторону «Ресторана». Того самого, где когда-то, еще будучи школьником, я отмечал свой выпускной. Где мы, наконец-то, тесно сблизились с Юлькой.

Нет, я вел их не в сам ресторан, а в располагающуюся в соседнем здании столовую. Насколько я помнил, она работала не только по будням, но даже и по субботам.

– Ну а у вас какие новости? – поинтересовался я, пока мы шли к виднеющемуся вдалеке зданию.

– Ну, во-первых... – начал Андрей, – поражает реакция наших чекистов. Все замяли. Хоуда громкому делу не дали. Точно известно, что куратор и его телохранитель попали в делегацию незаконно. Вроде как в последний момент, уже в самом Киеве, в автобус сели совсем другие люди. У них были документы и специальное разрешение. Ну а настоящие члены комис-

сии так и остались в гостинице, связанные. Их обнаружили позднее, когда сам председатель этой делегации сообщил, что не знает этих людей...

– Ханс Бликс? – изумился я. – Ему что, показали трупы? Не слишком ли это?

– Скорее всего, да. Нужно же было как-то опознать их личности.

– Да-а, представляю, какая каша заварилась там, куда они убыли. Конечно, если бы погибли настоящие ученые, тогда точно был бы международный скандал. Наверняка, чтобы замять эту историю, понадобилось вмешательство верхушки КГБ, – ухмыльнулся я. – Даже не верится, что мы во всем этом участвовали.

– Угу... Во-вторых, возможно, мы нащупали след Клыка.

Я остановился и посмотрел на них с изумлением.

– И вы молчали? Почему сразу не сказали?

– Потому, что это лишь непроверенное предположение, – ответил Григорий. – Когда те люди из банды держали меня в подвале, несколько раз упоминали заказчика. Называли его Виктором.

– Так... Но этим Виктором мог быть кто угодно. С чего вы решили, что это Клык?

– А вот тут самое интересное. Пока я был здесь, быстро смотался в РОВД Чернигова и побеседовал со следователем, который ведет дело по той банде, что взяли в подвале. Тот оказался на редкость толковым мужиком, к тому же был благодарен за то, что именно благодаря нашей наводке взяли настолько интересную рыбу. Так вот, мне даже разрешили побеседовать с одним задержанным, который остался в живых. Когда я показал ему ориентировку, он с готовностью подтвердил, что на ней изображен тот самый заказчик. То есть, Виктор.

– Я все еще не понимаю, где тут взаимосвязь?

– Пробив по базе, мы нашли более ста человек с именем Виктор, подходящих по возрасту. И один из них находится в базе без фотографии. Его полное имя Клыков Виктор Юрьевич. По возрасту и описанию примерно подходит.

– Что-то не верится, что все так просто. Не мог Клык так легко подставиться, – усомнился я, недослушав.

– Леха, погоди. Дай договорить. Этот Клыков, с восемьдесят второго по восемьдесят четвертый год неоднократно покидал территорию СССР. То в Польшу, то в Чехословацкую республику, то в ГДР. Понимаешь, к чему я клоню?

– Да. Что этот самый гражданин Клыков и есть Клык?

– Ну, можно сказать и так.

– Не верю. Кем этот Клыков работает?

– Не поверишь, он работает на заводе «Юпитер». И работает с начала восемьдесят четвертого года. Точнее, работал.

– В смысле?

– А теперь мы подошли к самому интересному. Я навел справки и выяснил очень любопытный факт. В ноябре восемьдесят четвертого года, в возрасте сорока семи лет, этот Виктор неожиданно умер от сердечного приступа. Родственников у него не было, друзей тоже. Похоронили его, и дело с концом.

– Блин, Андрей. Не томи ты, рассказывай до конца уже! – не выдержал я.

– Все предыдущие места работы этого Виктора Клыкова неизвестны. Просто отсутствуют, как будто он вообще ранее не существовал. И я подозреваю, что это кем-то организовано неспроста. Быть может, вот он ключ к тому, почему Клык в курсе многих вещей, творящихся в самом комитете? Он числился в конторе официально, работал и был кротом.

От всей этой информации у меня голова кругом пошла. Работу, которую провел Андрей, невозможно не оценить. Вот только что нам это дает? Что Клык давно умер?

Бред!

– Мне кажется, ты пошел не в том направлении. Клык и Клыков не может быть одним и тем же человеком, потому что это банально. Ну сам подумай, разве оперативник иностранной разведки станет так бестолково маскироваться?

– Я об этом думал. И это единственное, что нас останавливает. У меня есть стойкое предположение, что с момента своей официальной смерти, Виктор Клыков перестал существовать. Но только по документам. А на самом деле он есть.

– А почему бы просто не присвоить себе чужую личность? – спросил я.

На мгновение Андрюха задумался.

– А вот об этом я даже не подумал...

– Вот на то оно и выходит, что ничего нам это не дает. Но на всякий случай нужно проверить. Говоришь, что нет ни одной фотографии этого Клыкова? А как насчет лечебного заведения?

– Возможно. Или поднять пропуск на территорию завода «Юпитер». Ведь как-то он туда заходил, значит, имелось фото. Вдруг пропуск все еще где-то в архивах лежит? По фотографии мы поймем, он это или нет. Отец, говоришь, ты хорошо разглядел Клыка?

– Ну не особо, в подвале было темно, – кивнул Григорий. – Вообще, каждый раз, как он приходил, мне на голову мешок одевали. Но один раз его надели криво и через край я все-таки разглядел лицо Клыка. По моему описанию Андрей потом и делал фоторобот.

– Ясно. Тогда попробуйте узнать на Юпитере хоть что-нибудь о пропуске, а я пока встречу со знакомым из КГБ. У меня встреча на три часа запланирована.

– Тогда на связи. Телефон ты помнишь.

– Кстати, а где вы остановились? – поинтересовался я.

– Пусть это останется тайной? – улыбнулся Андрей. – Мы в городе.

Сказано это было без недосказанности или недоверия. Пусть у нас с Андреем изначально не было симпатии друг к другу и, выяснив, кто есть кто, мы не бросились обниматься с криками «Здорова, земляк!» Поначалу мы не доверяли друг другу, но эти границы растаяли сами собой и это правильно. Действительно, будет лучше, если я не буду знать, где именно они расположились.

На этом мы и разошлись – Курсант с отцом скрылись в здании столовой, а я ускорился и направился в сторону речного вокзала. Идти далеко, да и погода не совсем благоприятная, но времени было достаточно.

Вновь пошел легкий снег. Погода была не сахар – мрачные тучи нависли над Припятью. Было ощутимо холодно, около минус пятнадцати.

Я никогда не любил холод, поэтому накинул на голову еще и капюшон, чтобы было теплее. Конечно, угол обзора таким образом стал ощутимо меньше, но меня это совершенно не волновало. Думал о том, как бы поскорее добраться до места встречи.

К вокзалу я подошел в половину третьего – на полчаса раньше положенного срока. Решил зайти в кафе и немного погреться горячим чаем с лимоном. Минуя последний переход, между дорогой и территорией вокзала, я не услышал, как сзади подъехала машина, внезапно перегорев мне путь. Стекло на пассажирской двери приоткрылось и в проеме я увидел чью-то бритую морду...

Глава 6. Неожиданный вердикт

Вопреки моим ожиданиям, никто на меня ствол пистолета не наставлял.

Пару секунд бритый смотрел на меня внимательным изучающим взглядом, затем мотнул головой назад. Одновременно приоткрылась задняя дверь – видимо, для меня.

Они хотели, чтобы я ехал с ними.

Какие только мысли не пронеслись в моей голове за следующие несколько секунд. Кто эти люди и сколько человек в машине, я понятия не имел, да и приехали они на какой-то иномарке серебристого цвета. С какой стати я должен куда-то ехать? У меня, вообще-то, встреча запланирована...

Это вполне могли быть люди Клыка, а могли быть и чекисты. Какие-нибудь бандиты. Черт возьми, да кто угодно. Мысль сбежать не казалась мне правильной, хотя сделать это было бы несложно. Наряду с беспокойством, я понял, что прямо сейчас во мне проснулось еще и некое любопытство. Чуйка не била тревогу и это был хороший знак.

Немного подумав, я кивнул бритому, обошел дверь и забрался в салон, захлопнув за собой дверь. В машине было двое – водитель и пассажир, которого я и окрестил бритым. Внешность у обоих была типичной для братвы начала девяностых годов. Особенно у пассажира.

– Савельев? – спросил он, хотя по-любому и так это знал.

– Именно. Чем обязан?

Водитель обернулся, хмыкнул.

– Поедешь с нами.

– С какой стати? – спокойно спросил я. – Я вас не знаю, причины вашего появления тоже.

– Это в твоих же интересах. Мы от Павла Сергеевича, – ответил водитель, давая мне время переварить информацию. Затем добавил: – Он не смог прибыть на речной вокзал, поэтому обратился к нам.

– А вы кто?

– Бюро добрых дел, – хмыкнул бритый и, не оборачиваясь ко мне, спросил: – Ну что, едем? Или можешь идти куда шел.

– Едем! – спокойно ответил я, хотя начал немного нервничать. – Далеко?

Мне не ответили. Водитель тут же тронулся с места. Из-за того, что дороги были пустыми, остановившаяся у обочины серебристая иномарка не привлекла особого внимания. Никто за нами не ехал, никто не сигнализировал. Видимо, место моего перехвата было выбрано неслучайно – они меня ждали.

Ехали мы недолго, всего пару-тройку минут.

Иномарка свернула во двор одного из городских кварталов, остановилась у многоэтажного жилого здания.

– Приехали, дальше сам. Первый подъезд, третий этаж. Квартира номер двенадцать, – напутствовал бритый, потеряв ко мне интерес.

Я кивнул, вышел из машины и, хлопнув дверью, отошел на несколько шагов. Остановившись, взглянул на машину – это был Мерседес W123, кажется семьдесят девятого года выпуска. Несильно разбираюсь в немецких автомобилях, но, тем не менее, про себя отметил, что приехавшие за мной ребята были явно непростые. Вроде мода на личную охрану еще не наступила.

Даже усмехнулся – надо же, чтобы такое было в середине восьмидесятых... Быть может, так оно и было, просто будучи мальчишкой я в эту сферу не вникал?

Осмотрелся по сторонам.

В этом новом районе города я никогда не был. Хоть и находился он неподалеку от речного вокзала, сюда меня как-то не заносило. Людей в округе не было, да и машин не особо. Учитывая погоду, все сидели по домам и грелись.

Дом передо мной был типичной панельной пятиэтажкой, одной из самых новых. Это что же получается, Павел Сергеевич ждет меня внутри? Как-то несерьезно получается и, наоборот, зачем такие заморочки?

В голове как-то не укладывалось – насколько мутная птица этот Иванец. Интересно, почему за все эти годы никто, даже его сын, не замечал за ним странностей? Для всех он был уважаемым членом горисполкома Припяти, человеком при деньгах. И все. Но на деле оказалось, что он совсем не тот, за кого себя выдает. Я до сих пор не понимал, какую должность он занимал в комитете и кому подчинялся. И вообще, что это за спектакль, с такой конспирацией?

Поднялся на нужный этаж, отыскал двенадцатую квартиру.

Настойчиво постучал в дверь.

Через несколько секунд дверь распахнулась и на пороге я увидел... Пономарева!

– Ну привет, Алексей, – широко улыбнулся он, затем указал рукой. – Входи, чего на пороге стоять?

– Товарищ капитан... – изумленно пробормотал я, совершенно не ожидая увидеть здесь бывшего подчиненного Алексея Владимировича. – А как вы здесь... оказались?

– Долгая и совершенно неинтересная история, – ответил тот, закрывая за мной дверь. – Чай, кофе?

– Нет, спасибо, – я все еще не мог отойти удивления, осматриваясь по сторонам. – А где Павел Сергеевич?

– Ребята внизу, наверное, забыли тебе сказать, что он не смог приехать? Так вот, я его доверенное лицо.

Мы прошли в небольшую гостиную, где стоял только низкий журнальный столик и угловой диван. Сама квартира была однокомнатной и очень походила на ту, где я прятался, пока числился дезертиром. Было очевидно, что это что-то вроде перевалочного пункта для сотрудников КГБ.

– Проходи, садись, – капитан указал на единственный диван в комнате.

– Вы все еще состоите в комитете госбезопасности? – поинтересовался. – Что с товарищем Черненко?

– Увы, больше нет, – Пономарев принес с кухни табурет и поставив рядом с диваном, оседлал его. – Поэтому я больше не капитан. И про Алексея Владимировича у меня, к сожалению, информации нет. С тех пор, как он лег в больницу, я ничего о нем не слышал. Ну, что ты хотел рассказать Павлу Сергеевичу?

Я колебался. Не то чтобы я не доверял Пономареву, просто странно было видеть его после стольких месяцев отсутствия и тем более обсуждать с ним такие непростые темы. Где он был, чем занимался? И действительно ли он здесь по указанию Иванца?

– Я совсем не на это рассчитывал... – медленно произнес я, глядя ему в глаза.

Видимо, чего-то подобного он и от меня и ожидал. Потому что, чуть улыбнувшись, он кивнул, поднялся и подошел к стоящему в коридоре телефону. Взял трубку и набрал какой-то номер.

Самого его я не видел, лишь слышал голос.

– Да, он здесь, – отчетливо произнес Пономарев. – Все верно. Хорошо.

Капитан выглянул в комнату и жестом поманил меня к себе. Поднявшись, я подошел ближе, и тот сунул мне в руки телефонную трубку.

– Да, слушаю! – немного помедлив, произнес я, уже наперед зная, чей голос я там услышу.

Оттуда раздался знакомый, слегка надменный голос отца Генки:

– Привет, Алексей. Я так понимаю, ты сильно удивлен, что мы не встретились лично? К сожалению, возникли обстоятельства, из-за которых я не смог приехать.

– Но вы ведь и не уезжали из Припяти! – вырвалось у меня. Очень уж мне хотелось выяснить этот непонятный момент сейчас. Зачем он мне тогда соврал?

– Догадался, да? – в голосе послышались виноватые нотки.

– А чего тут думать? Я звонил на домашний, потому что только он мне и известен. Трубку вы взяли, но сказали, что находитесь в столице... не совсем понимаю, как можно быть в двух местах одновременно?

– Сейчас это неважно, – в голосе Иванца появилась сталь и недовольство. – Что ты хотел рассказать?

– Даже не знаю, стоит ли мне вообще что-то говорить... Я думал, мы доверяем друг другу, а оно оказывается вон как.

– Алексей, ты понимаешь, с кем ты говоришь? – на этот раз уже открыто чувствовалось раздражение.

– Нет, не понимаю, – спокойно, но с вызовом ответил я. – Потому что говорить-то и не с кем. Что мне телефон, я о личной встрече просил! Информация, которую я хотел сообщить...

Связь неожиданно прервалась, как будто тот бросил трубку. Постояв еще пару секунд у столика, я тоже положил ее на корпус аппарата и вернулся в гостиную.

– Ну что?

– Не знаю, – задумчиво ответил я. – Павел Сергеевич бросил трубку.

– Тогда разговора не получится, – вдруг изменился в лице капитан. Или бывший капитан, уж не знаю, кем он сейчас был на самом деле.

Поднявшись, он направился ко мне, указал рукой на дверь.

Честно говоря, подобного я совершенно не ожидал. Это было как минимум некрасиво – Пономарева я знал давно.

– Странные вы ребята! – глухо ответил я, затем сам открыл дверь и вышел из квартиры. Дверь за мной закрылась на замок.

Шел по лестнице и прокручивал в голове ситуацию. Абсурд какой-то.

Спустившись вниз по лестнице, я вышел из подъезда и, осмотревшись по сторонам, понял, что серебристого Мерседеса поблизости уже нет. Куда-то укатили эти модные ребята.

У меня в голове не укладывалось, что вокруг меня происходит? Когда я шел на встречу с Иванцом, я и предположить не мог, что все закончится вот так... Глупо и бессмысленно. Только время зря потерял.

Взглянул на часы – десять минут четвертого. Раз встреча с Иванцом себя не оправдала от слова совсем, мне не оставалось ничего другого, как отправиться к Юльке. Ведь именно этого я хотел больше всего, а остальное меня несильно-то и волновало. В конце концов, встреча с Павлом Сергеевичем не принесла бы мне ничего кардинально полезного.

Я снова мысленно отругал себя за то, что вместо того, чтобы сразу бежать к своей девушке, зачем-то потащился в квартиру к Донченко. После того, как я сообщил отцу Юльки, что приду минут через сорок, а по факту это вылилось в четыре часа, мне было стыдно ему в глаза смотреть. Хотя, если подумать, это была такая мелочь по сравнению с тем, каких сюрпризов я ему уже подкинул ранее...

Сначала я угнал его машину, затем он подобрал меня на дороге, когда я уже был в розыске, из-за меня сожгли дом его друга. Потом он спас меня от смерти, убив одного из людей Клыка, на свой страх и риск держал меня раненого в лазарете гарнизона ЗРК «Волхов», что в принципе было запрещено. Наверняка у подполковника Кошкина сложилось обо мне определенное мнение – кем же я был в его глазах? Желал ли он, чтобы я был избранником его любимой дочери?

Офицер он правильный, справедливый. Но после всего того дерьма, в которое я вляпался, у кого угодно закончиться терпение.

С этими мыслями я и подошел к ее дому.

Потоптался у входа в подъезд, выдохнул. Развернулся и пошел искать цветочный магазин – а то не виделись почти три месяца, и тут на тебе, заявился, да еще без цветов и подарка. Это

было бы некрасиво с моей стороны. Учитывая время года, цветы я нашел с большим трудом и обошелся мне букет роз в неплохую сумму. Но по итогу квест был выполнен, а я отправился в КБО «Юбилейный» и взял там коробку шоколадных конфет «Столичные».

К половине пятого я вновь вернулся к дому Юльки.

Поднялся наверх, позвонил в дверь. Однако мне никто не открыл.

Я не сразу воспринял тот факт, что я слишком долго возился, и дома уже никого нет. Кто знает, может быть, они с отцом отправились в кино или театр? А может, меня уже и не ждет никто, и она списала меня со счетов – каково это любить человека и не видеть его месяцами?

Продолжая жать на черную кнопку звонка, я стоял и не мог поверить, что дома никого нет, что, несмотря на все усилия, свою любимую я сегодня не увижу. Постояв еще минуту, я в расстроенных чувствах двинулся обратно.

Я настолько ушел в себя, что даже не слышал, как в подъезд кто-то вошел. Не слышал, как снизу раздался собачий лай. Лишь спустившись на второй этаж, я едва не столкнулся с Юлей, которая поднималась наверх, держа на поводке черно-рыжую бестию Баффи.

– Леша? – удивленно спросила девушка, явно не веря своим глазам. – Леша! Откуда ты?

Несколько мгновений мы стояли и смотрели друг на друга, прямо так, на лестничной площадке. Я невольно восхищался тем, какая она у меня была красивая – с холода у девушки на щеках застыл легкий румянец, на губах помада нейтрального цвета. Из-под шапки выбивается непослушная кудряшка...

Я устремился к ней, а она ко мне. Обнялись, поцеловались. Потом еще раз. Еще и еще. Снизу меня облаяли, попытались укусить за ботинок. Дважды.

Естественно, ничего у таксы не получилось – слишком мелкие зубы, чтобы прокусить толстую резину ботинок.

– А ты чего здесь? Ко мне? – с надеждой спросила девушка.

– У меня только одна любимая девушка, и живет она здесь, – я протянул ей цветы и конфеты. – И сейчас она передо мной. А это тебе, чтоб веселее было, когда мое увольнение закончится. Кстати, ты в курсе, что ученые сделали важное открытие?

– Это какое?

– Шоколад стимулирует у человека выработку гормона счастья. Еще его нашли в помидорах и в морской капусте. Поэтому вот тебе конфеты, генерируй счастье. В помидорах, при термической обработке гормона счастья больше, но не приходите же мне к тебе с кастрюлей вареных помидоров?

Юля рассмеялась.

– Думаю, с конфетами будет проще разобраться. А мы вот с Баффи решили прогуляться на свежем воздухе, но там очень холодно. У кое-кого лапы замерзли. Идем домой?

– Пойдем. А то у меня тоже лапы замерзли. Причем как верхние, так и нижние. А где отец? – поинтересовался.

– Ему с работы часа полтора назад позвонили. Сказали, собираться в командировку. Последнее время у них там какие-то курсы повышения квалификации для управляющего состава ввели, вот он и мотается по всей области. А ты в увольнении?

– Да. Как только вырвался, сразу к тебе. Жаль, раньше не получилось, куча задач была. Пока со всем разобрался, четыре часа прошло.

Юля прижалась ко мне.

– Я так по тебе соскучилась. Каждый день без тебя, у себя на календаре в общежитии прокалываю иголкой. Это я так дни считаю, до нашей встречи и до твоего окончания службы.

– Потерпи солнце, осталось совсем недолго, – обнадеживающе ответил я.

Мы вошли в квартиру. Сняли верхнюю одежду.

– Кстати, Юль... – вспомнил я. – У меня есть информация, что, возможно, мне не придется служить все два года.

– Это почему? – нахмурилась Юля. – Что-то случилось?

Я сразу понял, что подполковник ничего не рассказывал дочери о моих непутевых приключениях. И это правильно, незачем ей зря волноваться. Пусть для нее я останусь образцовым военнослужащим. Я ведь для общего блага стараюсь.

– Еще в сентябре я травму получил, пришлось в госпиталь ложиться, – уклончиво ответил я. – Ну а по итогу решили, что меня можно комиссовать. Вроде как в апреле. Но это не точно.

– Так это же хорошая новость, – обрадовалась девушка, но тут же насторожилась. – А в военном билете что будет написано? Ты же вроде собирался на сверхсрочную или даже на офицера учиться. Возьмут?

– Я попробую договориться, чтобы там все было как нужно.

– Тогда это отлично.

– А сколько тебе еще учиться на ветеринара?

– Леш, я тут поговорила с ректором и теперь перешла на другой курс. Теперь я буду не совсем ветеринаром, а хирургом. А учиться мне еще год, закончу в мае восемьдесят седьмого.

– Ого, круто! Будешь делать операции пушистым пациентам? Это хорошее благородное дело!

Я невольно подумал о том, что сейчас эти ветеринары на фиг никому особо не сдались. Зато в двухтысячных годах ветеринарные клиники очень хорошо поднимутся, быстро превратившись в прибыльный бизнес. Люди, ради того, чтобы избавить своих любимых питомцев от страданий, готовы платить. А те клиенты, что при деньгах, вообще не жалеют средств, лишь бы животинка была веселой и сытой. А если при клинике имеется свой хирург, это вообще шикарно. Учитывая мои знания, ее любовь к животным и опыт обучения, можно легко продавливать эту нишу...

Она заварила чай с лимоном, которого я хотел выпить еще в кафе Припять у речного вокзала, но так и не смог этого сделать. Оказалось, что Юля приехала еще вчера, а сегодня утром испекла яблочный пирог.

Я настолько проголодался, что слона бы сожрал. Но, вообще-то, я культурный, поэтому вслух этого не сказал. А вот желудок решил, что пора ему напомнить о себе. Ну и заурчал так, что мне аж неудобно стало.

– Так! Это ты с утра в увольнении? И, наверное, еще не обедал? – Юля по-хозяйски уперла руки в бока, впиалась в меня изучающим взглядом.

– Не обедал, – признался я.

– Сейчас мы это исправим. Как насчет рассольника? И бутербродов с «Любительской»?

– Это было бы чудесно, – улыбнулся я, под аккомпанемент завывающего урчания желудка.

– Иди в зал, а я сейчас все разогрею и подойду.

– А давай вместе? – спросил я.

– Что вместе?

– Вместе разогреем? Ты ведь помнишь, что я тоже люблю готовить?

– Еще бы. Я до сих пор вспоминаю тот шашлык, что ты приготовил на свое восемнадцатилетие. Пальчики оближешь. Всем девчонкам с курса рассказала, так они мне не верят, представляешь?

– Ага. Вот и давай вместе разогревать и болтать. Я по тебе ужас как соскучился.

Все оставшееся время мы провели вместе. До семи часов я пробыл у нее в квартире. Мы повалялись у телевизора, посмотрели фильм про Шурика и операцию «Б1». Все-таки близился Новый год, а потому и фильмы начали показывать соответствующие. Впрочем, в те годы, на советском телевидении очень неохотно показывали зарубежные фильмы, поэтому отечественный кинематограф процветал, пусть и выбор был невелик. Я невольно поразился тому, что

традиция показывать фильмы на предновогоднюю и новогоднюю тему тянула свои корни еще с советских времен. Не знаю, может, просто совпадение, а может, и нет. Все равно на душе было тепло.

Когда Юля переделалась в домашнюю одежду, я снова восхитился тому, насколько она у меня красивая. Вроде не виделись всего несколько месяцев, но теперь она выглядела чуть иначе, чем когда я первый раз увидел ее в одном халате. Она держала себя в форме, да и вообще, все было при ней. Наверняка, в этом ее ветеринарном парни за ней толпой ходили, но Юлька никого в упор не замечала...

А в семь часов мне пришлось возвращаться в учебный центр. Как бы ни было хорошо, но больше рисковать мне было нельзя. Я и так у командования на особом счету.

Мой отец собирался в ночную смену, поэтому без проблем подкинул меня до КПП «Чернобыля-2», а сам направился на станцию. Он еще раз выразил желание перебраться с четвертого блока куда-нибудь на первый, а то и вообще в административный корпус.

В учебный центр я вернулся вовремя, доложил командиру о прибытии с увольнения. Одновременно со мной подтягивались и остальные сослуживцы, кому тоже выпала честь сгонять в субботнее увольнение. Те, кому не повезло, полдня наводили в казарме марафет. ПХД, все-таки. Многие бойцы, после перевода в новое подразделение, возвращались со своего первого увольнения. Судя по рассказам, город энергетиков им понравился.

Я нехотя подумал о том, что если бы они видели, во что превратилась Припять в двадцать первом веке, они бы точно так не говорили. Ну, ничего, мы не допустим повторения истории!

Оставшаяся до нового восьмидесят шестого года неделя, пролетела незаметно.

Большую часть времени я провел в лазарете. Меня все-таки направили на военно-врачебную комиссию, для этого из Киева даже приехал представитель министерства здравоохранения. И еще кто-то там – я не вдавался в подробности. Майор Привалов там тоже был, но лишь как наблюдатель.

Я вновь услышал его коронную фразу о радиоактивных крысах, которые в пыли сношаются. Честно говоря, он так часто использовал эти слова, что они уже начали раздражать.

На двадцать седьмое декабря, в последний рабочий день старого года, состоялось заседание военно-врачебной комиссии, по итогам которой мне должны были объявить решение. Честно говоря, я вообще не парился. Накануне у меня произошел разговор с командиром роты и тот высказал предположение, что меня могут и вообще не комиссовать.

Из-за того, что я не заступал в наряды, я на фиг никому не сдался, а потому не переживал. Заседание длилось уже минут двадцать. Помимо меня было еще несколько военнослужащих, но никого из них я не знал. Одни выходили радостные, другие хмурые и раздраженные.

Настал и мой черед.

– Савельев! – из внезапно открывшейся двери показалась голова секретаря. – Входите!

Я вошел внутрь. В зале совета сидело около десяти врачей, все в белых халатах. В центре стола сидел председатель, рядом с ним начальник медицинской службы. Также, я заметил там командира роты капитана Потапова.

– Сержант Савельев на заседание военно-врачебной комиссии прибыл! – отчеканил я. Председатель, в звании подполковника медицинской службы, сухо кивнул.

Слово взял секретарь.

– В результате нештатной ситуации, военнослужащий срочной службы сержант Савельев Алексей Сергеевич получил огнестрельное ранение плеча. Пуля калибра девять миллиметров прошла навывлет через мягкие ткани, кость повреждению не подвергалась. Ранение было скрыто самим военнослужащим, командование учебного центра о ранении ничего не знало. Должных мер по уходу за раной предпринято не было. Тем не менее, сержант Савельев все равно заступил в суточный наряд, где его состояние ухудшилось. В срочном порядке он был доставлен в военный госпиталь города Чернигов, где проходил лечение пятьдесят два дня. По

результатам лечения в военном госпитале, военнослужащий был отправлен в свою часть, для реабилитации.

– Вывод? – спросил председатель, покосившись на секретаря.

– По итогам медицинского освидетельствования, членами комиссии принято решение комиссовать сержанта Савельева Алексея Сергеевича, освободить его от дальнейшей службы и уволить из рядов вооруженных сил. Признать заключение военно-врачебной комиссии действительным с первого февраля тысяча девятьсот восемьдесят шестого года. До этих пор, будут готовиться его документы на увольнение. По месту жительства встать на учет в медицинском учреждении.

Далее, врач-хирург зачитал мне мой диагноз.

– Сержант Савельев, вы согласны с решением комиссии? – бесстрастным голосом спросил председатель, посмотрев на меня хмурым взглядом.

Новость меня ошаршила. Ка-ак с первого февраля?

Глава 7. Нет пути назад

– Не согласен! – твердо ответил я, с вызовом глядя в глаза председателя.

В зале повисла гробовая тишина.

В своей прошлой жизни мне не один раз доводилось бывать на военно-врачебных комиссиях, и я хорошо знал, как себя вести. По сути, все они были одинаковыми, с незначительными вариациями. И в принципе, в советское время процесс несильно отличался от современного.

Конечно же, я понимал, что срочник так себя вести не должен, я понимал, что иду против системы. Понимал, что мой ответ никому из присутствующих здесь не понравится, особенно председателю. Понимал, что будут плохие последствия и тем не менее я был решителен.

Я совершенно не ожидал такого скорого разрешения вопроса моего увольнения из вооруженных сил. Еще до этих событий, в беседе с Приваловым, я хорошо расслышал – он упомянул о том, что процесс может затянуться на несколько месяцев. Услышав цифру, я почему-то так и решил, перестал беспокоиться. С уверенностью считал, что вполне успею предотвратить аварию, а дальше уже не столь важно.

Получалось, что мои дальнейшие планы уйти в школу КГБ или идти учиться на офицера, рушились на глазах. Да если бы только это! Сама цель – спасти ЧАЭС – только что попала под серьезную угрозу. Как я это сделаю, если меня собираются вышвырнуть с военной службы за два с лишним месяца до самой аварии?

– Товарищ сержант! – голос подполковника медицинской службы прозвучал, словно гром в тишине. Вид у него был суровый. – Мне не послышалось? Вы не согласны с решением членов комиссии?

Я мельком осмотрел присутствующих – Потапов сидел с бледным лицом и смотрел на меня уничтожающим взглядом, мне аж не по себе стало. Да и насрать!

Хирург смотрел на меня с искренним недоумением – да любой срочник на твоём месте был бы рад поскорее закончить ненавистную службу и свалить домой. Это сбивало врача с толку – как так?

Конечно, невдомек ему, что у меня благородная цель, к которой я иду уже полтора года. И чтобы достигнуть цели, я должен находиться на службе, причем не абы где, а именно в своем учебном центре. Если я уйду из армии, на станцию законным способом мне уже не попасть. Я вернусь к тому, с чего начал, едва попал в восемьдесят четвертый год.

Осматривая зал, я увидел самодовольную морду майора Привалова – тот смотрел на меня с каким-то ядовитым ехидством. Моя чуйка буквально кричала – вот оно влияние Клыка. Эта сволочь все-таки нашла способ убрать меня с дороги, не открывая свою личность и при этом, не посягая на мое здоровье и вообще на жизнь. Хитрая и пронырливая тварь!

– Так точно, не согласен! – твердым голосом, не моргнув глазом, ответил я.

Подполковник осмотрелся по сторонам, обвел взглядом коллег.

– Так, товарищи... – кашлянув в кулак, произнес он. – У нас любопытный случай. Будем разбираться?

– А что тут разбираться? – неожиданно встрял секретарь. Я даже удивился, с какой стати он влез? Его задача – фиксировать процесс и результаты комиссии, вносить в протокол. Все это выглядело очень странно. – Есть заключение заведующего отделением хирургии из военного госпиталя Чернигова. Есть заключение начальника медицинской службы нашего военного городка. Представитель министерства здравоохранения ознакомился с материалами и согласен с решением.

– Вы не можете так поступить! Я чувствую себя замечательно! – произнес я, взмахнув рукой. – Да я здоров как бык! На каком основании вы меня списываете? Рука зажала, ослож-

нений нет. Прошло почти три месяца, я вполне могу исполнять возложенные на меня обязанности. Солдаты в Афгане воюют раненые, сражаются, не жалеют себя. Чем я хуже?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.